

Я СТОЮ У РЕСТОРАНА,

замуж — поздно, сдохнуть — рано...

Эдвард Радзинский

Эдвард Радзинский

**Я стою у ресторана: замуж –
поздно, сдохнуть – рано! (сборник)**

«АСТ»

Радзинский Э. С.

Я стою у ресторана: замуж – поздно, сдохнуть – рано! (сборник) /
Э. С. Радзинский — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-084762-4

Это история Любви и Ненависти. Что это за страшное чувство? Чем оно питается? На какой почве возрастает? Что делает с людьми и их чувствами и помыслами?

ISBN 978-5-17-084762-4

© Радзинский Э. С.

© АСТ

Содержание

«Я стою у ресторана: замуж – поздно, сдохнуть – рано!»	6
Разговорчики о любви	31
Исповедь пасынка века	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдвард Радзинский
Я стою у ресторана: замуж –
поздно, сдохнуть – рано! (сборник)

© Радзинский Э. С., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

«Я стою у ресторана: замуж – поздно, сдохнуть – рано!»

Уже поздно: после полуночи.

В огромной комнате в большом кресле (это старинное «вольтеровское» кресло, несколько странное среди всей современной мебели в комнате) сидит молодая женщина.

И разговаривает по телефону:

– Мне приснился сон... Мой экс-любимый Саша сел на дирижабль и полетел по проспекту Вернадского... Но в этот момент позвонила ты, и я так и не узнала – разбился ли он... – Хохочет. – Да нет Мариша. Для меня это совсем не поздно.

Самый желанный звонок – после полуночи... В это время я ем, пью чай... и болтаю, болтаю по телефону. После полуночи у меня всегда занято... Ха-ха-ха...

Подожди, налью чаю...

Она бросила трубку на кресло, уходит на кухню. Возвращается с чашкой чая. Попивая чай, продолжает разговаривать по телефону, но только как-то странно: не поднимая брошенную трубку.

– Ну и холодрыга! В кровать ложусь в сапогах, как три мушкетера... Только чаем и спасаюсь... Вот черт! Был нормальный чай: налила в чашку, тут же стал фиолетовый. От меня в последнее время даже цветы вянут... Я все думаю: «Саша на дирижабле» – это к чему? У меня есть старинный толкователь снов: «Сонник», 1902 года издания... Там написано: бить во сне любимого – к свадьбе, целоваться с ним – к ссоре... А вот про дирижабль ни слова! Ха-ха-ха!.. – Да нет, Мариша, все значительно проще. Вчера целый вечер я лицезрела экс-любимого Сашу в реальности – в ресторане. И, как результат, он полетел на дирижабле. Ха-ха-ха!.. Ну что ты, вчера был обалденный день! Подожди, закурю – Закурила, с наслаждением пуская дым, – Все утро учила роль маляра, которую прислали с телевидения. Идиотская роль в идиотском сериале. Но когда самолет идет на аварийную посадку, не размышляешь о качестве аэродрома. Ха-ха-ха! И вот лежу я с этой ролью на тахте, одиноко, как на мысе Челюскин... и пытаюсь учить роль... Не получается! В воскресенье у нас – всюду жизнь! Этажом выше надо мной поселился Сизиф... Во всяком случае, все выходные с раннего утра он катает над моей головой тот самый камень. Подо мной гудит пылесос, как уборочная машина на полях. За стеной юная девица из самодеятельности разучивает над моим левым ухом танец «русские дробушки». А с правого уха, за другой стеной, глухой пенсионер орет: «Моцарт! Моцарт!» Моцарт – это его кот, который все время теряется!.. Ну что ты, Мариша, во-первых, у меня, как ты знаешь, собака... А во-вторых, ненавижу котов. Однажды я взяла себе котика. Все сделала как надо: поставила ему тазик для писанья – в уборной, постелила одеяльце – на собственной кровати... Чем кончилось? Кот писал в мою кровать, а спал в тазике – в уборной... Ха-ха-ха! Короче, лежу я со своим маляром среди всех этих созвучий... и вдруг отчетливо понимаю: сейчас сойду с ума! Врубаю телевизор, чтобы как-то заглушить вакханалию звуков... А в телевизоре – лицо певца! Который давно помер! И покойник глядит приветливо прямо на меня и поет интимным голосом: «Все еще впереди... Все еще впереди»... Тогда в ужасе я хватаю свою козлиную куртку – и ходу! На улицу!

Но попробуй выйди зимой из моего дома! Там у нас ветер – ветрило! Роза ветров! Из парадного выхожу с третьей попытки. И тут же, моментально, ветер завязывает юбку морским узлом над моей головой... Кости отплясывают рок... а мой нежный носик остается у меня в руках... Так и несу его в ладонях. А еще говорят – «Юго-Запад... Юго-Запад!!!» Вьюго-Запад... Тебе вон смешно, а у меня трагедия: мне холодно жить! Ха-ха-ха! В общем, стало так себя жалко! Чувствую – заболеваю гриппом. У меня первый признак гриппа – это когда я начинаю себя жалеть. Вижу, нужно что-то предпринять. И тут, прямо на улице, во мне загорается адово пламя. Бесы тотчас подхватывают меня – и я начинаю летать на метле по знакомым...

Короче, облетела по этому Южному полюсу километров пятьдесят знакомых... Что там было? Все как у всех, Мариша... За столом поедали икру вместе с салатом и знакомыми... «Сказал гадость – сердцу радость». Ха-ха-ха! Но постепенно я отогрелась. Злословие очень согревает. Напоили они меня каким-то ужасно пьяным китайским вином... И я уже хотела отправиться на свой мыс Челюскин, чтобы забыться одиноким китайским сном... Но тут опять – бесы! И я понеслась на своем помеле дальше – над нашим всемирным оледенением. Пока не выпала в осадок в ресторане «Паризьен»! Ха-ха-ха!.. Это необъяснимо, Мариша, но после всего, что я съела в гостях, мне вдруг страшно захотелось снова есть. И чтобы была музыка, а не одинокий мыс Челюскин... Я была в ужасном, совсем нересторанном виде. Раньше я страшно комплексовала бы по этому поводу. Ты помнишь, какая я была модница – раньше! Однажды я три часа просидела в мыслях, как соединить в одном туалете два активных цвета: красный и зеленый. Ха-ха-ха! Нет, насколько комфортнее моя жизнь с тех пор, как я стала феминисткой. Феминистка – это прежде всего удобно: мужа нет, поэтому готовить не надо; весь туалет – куртка и джинсы. Прическу – тоже к дьяволу: короткая стрижка. Остальное совершается ладонью: ладонью причесываемся, по мордасам бьем, когда пристают... Ха-ха-ха!.. «Женщина может простить все, кроме испорченной прически». Теперь для меня это банальная чушь!

Она, замолчала прислушивается.

– Я не молчу... просто слушаю... Мне кажется... Ну, не важно... Короче, вхожу в ресторанный зал в своем нынешнем феминистском виде: джинсы, козлиная куртка с чересчур короткими рукавами... видать, козел был какой-то короткорукый – мое обычное везение... и совершаю мягкую посадку на стул... Что не совсем просто при китайском вине в организме. И тотчас вижу за соседним столиком – экс-любимого Сашу! Он сидел с какой-то юной божьей тварью в блудливых лисах. Очень оживленно беседовал и не знал... что через несколько часов ему лететь на дирижабле. Ха-ха-ха! Естественно, сукин сын сделал вид, что меня не заметил. В этот напряженнейший момент заиграл оркестр, и он пошел танцевать мимо меня, изо всех сил глядя в другую сторону. Блудливая в лисах была очень юна и с какой-то неправдоподобно округлой задницей. Я даже подумала: может – накладная? Ха-ха-ха! Короче, сижу я на своем одиноком стуле, на своей натуральной заднице абсолютно одна, как на мысе... нет, мыс уже был... как на полуострове Таймыр... и думаю: да наплевать мне на вас, я теперь – феминистка... Подожди, подожди, Мариша! Дальше события развернулись! Хоть выглядела я в инвалидном козле хуже некуда, ко мне тут же подсутился какой-то уса́тый грузинец... Восточные люди всегда от меня без ума... Ха-ха-ха! И мы с грузинцем тотчас пустились в пляс... совсем недалеко от экс-любимого Саши и его юной твари в блудливых лисах.

Замолчала, прислушивается.

– Не могу! У меня все время ощущение: кто-то стоит за дверью... Нет, Мариша, это не бзик. Ты не видела мою квартиру... После ухода моего мужа Мартироса экс-любимый Саша решил преобразить мою двухкомнатную квартирушку. Этот библейский Самсон порушил все перегородки. Прихожая... коридор... кухня – он все соединил с большой комнатой. Получился гигантский сарай... где я сейчас и проживаю. Ха-ха-ха! Дверь из этого сарая выходит прямо на лестницу, и теперь мне слышно все, что там происходит. И сейчас мне кажется, что там, за дверью, на лестнице кто-то топчется!.. Нет, Мариша, туалет Саша мне оставил, – на коленях вымолила. Туалет и свою комнату, где он скрывался, когда пил... Нет, Мариша, мне туда поселиться нельзя – там сейчас музей. Мемориал памяти Саши. «Тени минувшие счастья уснувшего»... Короче, танцую я в ресторане с грузинцем – и вдруг чувствую жуткую боль! Опускаю глаза – и вижу такую ногу! Ты не представляешь, какая это была нога! Я даже глаза протерла – думаю, может, это китайское вино шалит! Я спрашиваю грузинца: «Скажите, пожалуйста, у вас нога или нарочно?» «В смысле?» – говорит он, танцуя и размахивая жуткой ногой, будто это «танец с саблями». «В смысле, – говорю я, увертываясь от его ножищи, – может, вы прячете в ботинке дьявольское копыто? И вообще, милый мой, как вы живете с такой ногой?» Что

дальше? После таких вопросов, как ты догадалась, никакого «дальше» уже не было! Я всегда умею задать мужику самый нужный вопрос Вот так – в плясках и песнях прошел вечер...

Резкий звонок в дверь. Она замолкает. Снова – звонок.

– Ну что я говорила! Слышишь?

Звонки.

– И как звонят!

Звонки.

– По хамскому звонку это – он... экс-любимый. Ха-ха-ха! Представляешь, как удивилась бы юная в блудливых лисах, если бы я рассказала, что ее Сашок... который не соизволил даже узнать меня в ресторане... ломится ко мне в первом часу ночи... Ха-ха-ха!

Звонки.

– Да нет, Мариша, он год не появлялся... И вдруг совсем недавно стал меня навещать!..

Звонки.

– Любовь? Ха-ха-ха! Какая любовь, Мариша! Он приезжает эвакуировать имущество. У него в мемориальной комнате столько имущества! Книга Габриеля Маркеса, которую он подарил мне на день рождения и теперь требует назад – «для работы». Думает, помню, где она!.. Картина, про которую он врал, что это Рерих. А главное, куча тряпья: брюки, кеды, джинсы... Но он прослышал, что корабль тонет. А он жаден, как все мужчины... «Если хочешь, чтобы мужчина тебя бросил, – попроси у него взаймы». Ха-ха-ха! Это из какой-то пьесы, которую я играла.

Звонки, звонки. Но она по-прежнему не обращает на звонки никакого внимания и болтает по телефону:

– Но самое гнусное – мерзавец взял привычку являться ко мне в дом после спектакля... Сыграет – и по пути из театра чуть ли не в час ночи, без звонка заваливается захватить кое-что из имущества. У него в мыслях нет, что это – неудобно, что у меня, например, может кто-то быть! Ты видела собак, которых привязывают у булочных... И они покорно ждут своих хозяев. Дождь, жара – они ждут... Этот сукин сын абсолютно уверен, что я по-прежнему собачка – у булочной... Уверен, что я безмерно счастлива... – Орет: – Когда он в полночь вваливается в мой дом за своим тряпьем!

Звонки.

– Давай! Давай, Саша! Звони! Как же! Разбежалась! Все! Больше не открывается!.. Я не ору, Мариша, я говорю. Но громко говорю, чтобы он все слышал.

Звонки.

– Звони, звонарь... Звони, хреновый актер... – Ну и пусть его все снимают. Но от этого лучше актером он все равно не стал. Теперь он – знаменитый хреновый актер... Ха-ха-ха!.. Как это «почему снимают»? А кого же еще снимать! Как только его физиономия появляется на экране, у всех баб в зале проходит озноб по спине: они сразу чувствуют – хозяин явился! Они сразу вспоминают свою собачью сущность: как преданно служили и как их все равно, все равно – бросили! И рыдают... Он еще рта на экране не раскрыл, а они уже в горячих слезах! И по сто раз ходят смотреть эту рожу! Кстати, я была при начале его киношной знаменитости... А как же! Я расскажу! Вот это – я сегодня обязательно расскажу! Но сейчас мне это все так неактуально!.. Как поцелуй для марсианина – негигиенично, и все!!! Сейчас я хохочу! Вот так, Саша, знаменитый хреновый актер... Кстати, он такой хитрый. Как все хитрые хреновые актеры, входящие в возраст, он перестал пить и начал писать пьески. Эдакие лампапусеньки, хреноватые пьески-обаяшки... Ну как он сам! Он теперь стал трезвый, этот вчерашний алкаш Саша... Ну что ты, Мариша! Как я боролась с его пьянством! Откуда я знала, что только пьяный он похож на человека... Трезвый – он стал похож на собственное чучело. Чучело орла. Ха-ха-ха! Вот так Саша!!! Кто бы подумал, что этот гуляка станет нынче скучным жмотом... Он привез из Италии бутылку вермута... Какой-то бесценный вермут... там ему подарили. Но теперь он

не пьет. И ему стало жалко, что его друзья-приятели вылакают бутылку... И он решил тайно спрятать ее у меня. Тихонечко поставил в шкаф в своем мемориале... Чучело орла... Но я – Шерлок Холмс! Я нашла... И теперь сижу вечерами и попиваю его вермут. Ха-ха-ха!.. Ну что ты, Мариша, я потом добавляю кое-что в бутылку... Так что незаметно... Ха-ха-ха! И сейчас я сижу с Сашиним вермутом... И медленно погружаюсь в Вермутский треугольник... Как же я любила!.. Знаешь, когда он первый раз ушел от меня, я ползала по пустой комнате – вынюхивала его запах! Ха-ха-ха...

Звонки.

– Звони, милоч! Ничего, перебеешься!

Звонки.

– Я сразу хрустнула у него меж зубами... От меня вмиг остался один остов, обглоданный любовью. Ха-ха-ха! Ох, как же я тогда влюблялась! Смертельно! Я в девять лет влюбилась в дворника, у него была такая красивая метла. В десять – в школьницу из старшего класса, у нее были невероятно красивые пепельные волосы! Потом я влюблялась по очереди во всех своих учителей и даже в старца, учителя математики, как в Мазепу. У него были красивые морщины... Сашу я полюбила немедленно!.. Я встретила его в ГИТИСе. Он был выпускником, работал в приемной комиссии. А я в тот год провалилась... И когда он соизволил пригласить меня... Нет, Мариша, «в кино» – не удостоил. Пригласил – сразу на дачу... Я была девочка! Сумасшедшая непуганая девочка. Но я сразу решила...

Непрерывные звонки.

– Вот так, Сашок! Холодно стоять под дверью? А как мне было тогда холодно... Мы купались до ночи, потом вышла луна – и ведьмин час наступил. Мой час! С нами был какой-то юный доктор... Дело в том, что Саша, прежде чем начать учиться на хренового актера, учился на хренового медика. Ну, тот юный доктор, как ты догадалась, внезапно исчез. Остались я, Саша и луна... Я чувствую – подхватывают! Бесы любви! Пора улетать на помеле!.. Проводит он меня в дачу. Я в мокром купальнике – но холода не чувствую. Подыхаю от любви и страха... Заходим в комнату. Полная тьма – сразу стукаюсь о ложе. Отскакиваю. Причем от ужаса. Но сама снова начинаю пятиться спиной к этому проклятому ложу. Боюсь смертельно, но иду!

И, чтобы победить свой страх, со всей силой плюхаюсь на кровать мокрым задом... И раздается дикий вопль! Я села на голову его спящего друга... Ха-ха-ха! Вот так всю жизнь: не туда сажусь мокрым задом!.. Боже, как я от него бежала... Но он меня догнал! Вру... Просто свистнул – и я поплелась обратно... А потом я ему звонила – сама.

Бешеные звонки.

– Вот так же! Безостановочно! Названивала! Ха-ха-ха! И наконец ему надоело отбиваться, и он говорил: «Все! Нина, приду! Жди!» Я «делаю глаза», ресницы... И жду его, жду! А Саши – нету... А я жду, жду! А Саши – нету! И вот тогда я начинала звонить по всем знакомым. И назначать свидания... А потом мой телефон разрывался... Это звонили они – с мест несостоявшихся свиданий... А я ходила по комнате, слушала эти злые звонки и говорила: «Вот так, Саша!.. Вот так, Сашок!»

Звонки, звонки, звонки.

– А потом ему все это осточертело. И вот тогда он в первый раз меня бросил! Ха-ха-ха! Ох, как он умел это делать! Будто шутит... Я ему вот так же надоедливо звоню, а он и говорит: «Заяц, как ты отнесешься к тому, что я тебя брошу?» А сам хохочет, будто шутка. И я, дура, хохочу, куда денешься, если он хохочет. Ха-ха-ха! А он продолжает: «На Востоке есть обычай: мужик говорит своей бабе «талак» – это значит «уходи». Если он говорит «талак» раз, это предупреждение... Два раза – серьезно... А три раза «талак, талак, талак» – должна тут же уйти в чем есть. Поэтому телки на Востоке всё носят на себе – на всякий случай». – «И сколько раз ты мне сказал «талак»?» И он отвечает весело-весело: «Три раза, заяц...» –

и покатылся со смеху... И я почему-то тоже... Кстати, он всех нас называл «заяц», чтобы не путаться! Ха-ха-ха! «Талак, талак, талак, заяц!»

...Ну что ты, милая! Разве я могла его не встретить?! Я ведь только и думала, как бы его встретить! Бедняга так и не понял, почему он всегда попадался на моем пути! Это я его вызывала, как чеховская «ведьма»! Ха-ха-ха.... Неужели я тебе это не рассказала?... Ну, это был такой театр! И про Мартироса не рассказала? Нет, это всё надо в лицах... После того как Саша меня бросил, я влюблялась во всех, кто на него похож! Оказалось – похожи через одного! Потому что Саша – ничей. Он – общий. Ха-ха-ха! Наверное, я пропала бы. Но, к счастью, появился Мартирос. Такой приличный армянин. Преподавал зарубежную литературу в нашем театральном... Ну, сама знаешь, какие мозги у актеров... Короче, это был несчастный армянин. И я его полюбила за муки, как Отелло. Но оказалось, что в их роду все были Мартиросы... И на мне он женился, исключительно чтобы побыстрее увеличить количество этих самых Мартиросов. Он мне сразу сказал: «Скоро мы родим Мартироса». Но как-то не получалось! Планета вертелась, а Мартиросов на ней не прибавлялось. Но он ждал! Все ждал, милый, когда мы произведем на радость всем нового Мартиросика... Хороший человек! Имел три слабости: любил острить. И сам хохотал! Еще любил болеть. Кашляет – и сразу ложится своим огромным восточным пузом на диван. А ты ему должна подкатывать сервировочный столик. И тогда он ел и смотрел футбол по видео. Потому что после будущего Мартиросика он больше всего любил футбол. Он все матчи записывал на видео – и снова глядел их. Причем так же орал! Ну, восточный человек!.. В тот год мы с ним поехали на юг, где опять не сумели создать Мартиросика... И вот тогда на набережной я и встретила Сашу. Когда я его увидела, я сразу почувствовала, как все кости стали мягкими. Я погибала, осыпались мои кости. Одни развалины любви!.. «Здравствуй, Саша! Ты что тут делаешь?» – «Никак не могу выпить четвертую рюмку: то ли я ее не помню, то ли мне ее не дают». Ха-ха-ха! Ну, Мартирос при таком ответе погиб от своего армянского смеха. «А вообще-то, – говорит Саша, – я тут на съемках, снимаюсь для бабла в каком-то паршивом фильме...» Мартирос потом негодовал: «Разве можно сниматься в кино для денег... Если бы меня снимали в кино – я сам бы за это платил!»... Саша жил с нами в одной гостинице – и я перестала спать... Я задыхалась во сне и орала! В тот вечер Мартирос смотрел футбол по телику, и я вышла на улицу. Я знала, что будет! И я увидела Сашу! Тут же! В дверях! Ха-ха-ха! Он усмехнулся и сказал: «Идем?» И мы пошли... Был поздний вечер. И луна, как тогда... И я привела его на берег моря. Море – будто река «тогда»! И я говорю – нежно: «Ты хоть вспомнил тот берег?» А он смотрит на меня, как на идиотку. И говорит: «Я тебя вспомнил – и на том спасибо». Ха-ха-ха! Короче, «после» он смылся от истерички. Но я хранила ему верность... Я охраняла свое лоно... И вскоре узнала – беременна. Я сказала об этом Мартиросу, чтобы он оставил меня в покое. Как он был счастлив! Ну, восточный человек! Бедный восточный человек! Конечно, он тут же объявил мой зародыш Мартиросом. Потом заставил меня как можно раньше уйти в декрет, чтобы, не дай Бог, не повредить чем-нибудь будущему Мартиросику... Я ходила в театральную библиотеку, чтобы не свихнуться с тоски. Там я прочла «Вирджинию Вулф» Олби. Всю первую половину пьесы я так хохотала, что все читатели требовали меня вывести... и меня пришлось отсадить к раскрытому окну... Всю вторую половину пьесы я так рыдала в окно, что все читатели меня успокаивали. И прохожие тоже... Ха-ха-ха! И в этот миг в окно я увидела проходившего Сашу. Мгновенно я превратилась в библейский соляной столб. Я тупо смотрела на уходящую спину. Потом помчалась домой и звонила, звонила... В тот вечер Мартирос чувствовал себя больным и смотрел по видео свои любимые матчи... А я звонила, звонила... Наступила ночь. А я звонила, звонила... Подожди, закурю... В два часа ночи Сашок поднял трубку. «Саша, это Нина». – «А-а», – говорит. «Я тебе звоню весь вечер». – «А-а», – говорит. В этот миг Мартирос страшно закричал, потому что забили гол... или не забили... «Ну, это Нина, ты меня хоть узнаешь?» – «Узнаю». – «Саша, я беременна. Ты хочешь меня спросить?..» Он помолчал, а потом сказал: «Ну что ж, я

рад... поговорим завтра». – «Ты рад?! Рад?!» – «Рад», – говорит и вешает трубку. Ха-ха-ха... Он рад... Ра-а-ад! Я пошла к Мартиросу: «Ты знаешь, Мартирос...» – «Подожди, белка, не мешай!» Странно. Я только тут осознала, что он звал меня «белка». А тот зайцем. А я в этот миг чувствовала себя кенгуру... «Мартирос, мне очень жаль...» – «Подожди, – он поглядел на часы, – сейчас, белка, должны забить гол...» Он смотрел видео, зная, что случится... Он был как судьба. «Мартирос, мне очень жаль, но у нас не будет Мартиросика». – «А что же будет?» – «Не знаю. – Я закрыла форточку, чтобы его не просквозило. – Может, Маша, а может, Ваня. Но это точно будет не Мартирос».

Он выгнал меня на улицу, чтобы не убить. Я гуляла под Сашиными окнами, и в девять утра театр возобновился. «Саша, это я, Нина...» – «А-а...» – «Ты что, меня не узнаешь?» – «Я сплю». – «Саша, а я ушла от мужа...» – «А-а... Зачем?!» Ха-ха-ха! Я хотела спросить его, почему же он был вчера так рад... Но даже своими тремя куриными извилинами я вдруг сообразила, что если тебе позвонят в два ночи, что хочешь ответишь, только чтобы дали спать... «Вчера я был не один», – сказал Саша... Странно, а мне не пришло это в голову! Ну что делать, если в голове – балалайка! Ха-ха-ха!

– И что ты будешь делать с плодом?

– «Рожу, Саша... И собаку заведу, чтобы она этого ребенка сторожила»... Ха-ха-ха! Это такая реплика из отрывка, который мы играли на показе...

– «А у меня знакомая и вправду родила. И принесла его мне под дверь и положила. Но у нее не было машины, а у меня была. И когда она возвратилась под свою дверь – ребенок уже ждал там ее. Ха-ха-ха!»

– «Ха-ха-ха! У меня тоже нет машины.

И хоть балалайка вовсю играла в моей бедной головенке, я повесила трубку.

Звонки затихают.

– Когда Мартирос узнал, что я осталась одна, он назвал меня «женщина в офсайде». И оставил мне квартиру! Восточный человек. Щедрый восточный человек... Слушай, Мариша, а он затих... Саша за дверью... Может, заснул. А может, умер. – Замолчала, прислушалась. Нет, стоит! Чувствую. Ха-ха-ха... Мы с ним, конечно, встретились в третий раз. Как же без троицы обойтись. В третий решительный. Вот там-то все и произошло, но уже по-другому... Вот я сейчас тебе рассказывала и думала: «Боже, отдано столько сил! Столько нервных клеток потеряно! На что! Стыд! С Сашами, котами, несчастными любовями, сумасшедшими ночными звонками покончено! Боже, какое счастье, что я – феминистка!»

И снова – непрерывные звонки.

– Опять! Проклянулся звонарь! Слышишь, как звонит? Звонить к феминистке! Вот балда!.. То есть как плохо? Мариша! Тебе – плохо?! Ты что, милая? Ты съела мои грибы? Ты сошла с ума! Я собираю грибы по цвету. Мне особенно нравятся мухоморы... Ну и что ж, что я сварила?! Я теперь часто варю все подряд! Как то есть зачем? Когда я варю – у меня ощущение, будто я снова замужем! Послушай, а может, вызвать промывалку? Грибы – страшный яд. Всех римских императоров травили грибами... Ну, хочешь, я сама тебе вызову? Оттуда такие обалденные ребята приезжают. Я туда столько раз сама звонила. Бывает, что тоже... травлюсь. Ха-ха-ха! Они там все меня знают как облупленную! Будешь звонить – сразу говори: «От Нины». Ха-ха... Не волнуйся, только не волнуйся. Послушай, хочешь, я сейчас посоветуюсь с ним? Он все-таки в медицинском учился. Только ты не умирай, пожалуйста!

Далекий шум где-то наверху.

– Вот жуть: опять Сизиф загрохотал ночным камнем, этот рвется в дверь... Эта – отравилась! Все! Сумасшедший дом!

И снова – непрерывный звонок.

Решительно подходит к двери.

– Ну что ты звонишь, мерзавец?

Молчание.

– Псих!

Молчание.

– Сукин сын!

Из-за двери раздается голос с сильным грузинским акцентом:

– Нину можно?

Она, пугаясь:

– Нину? Нины нет дома.

– А вы кто?

– Я? Нина...

– А я Гоша, танцор. Мне Нину...

Она кричит – Нины нет дома!

– А вы кто?

– Я? Нина... – Находчиво: – Но я – другая Нина.

– А я Гоша, танцор.

Она отходит от двери, поднимает трубку.

– Мариша, это катастрофа! Это грузинец из ресторана!.. Не понимаю! По-моему, я не давала ему никакого адреса. Правда, я не знаю, как действует китайское вино на феминисток. Может, после него они раздают адреса дьяволам с копытами в ботинках!

Звонки.

– Он опять! Послушай, не умирай, пожалуйста. Пять минут, и я его прогоню... – Подходит к двери, строго: – Кто там?

– Гоша, танцор. Нину можно?

– Я русским языком сказала: Нины нет дома.

– А вы кто?

– Нина!

– А я Гоша, танцор...

– Послушайте, танцор, я сейчас умру...

– Я тоже... Здесь так холодно... Я южный человек. Я – грузин! Мне Нину!

Она бешено:

– Нины нет дома... А я другая Нина.

– А я тот самый Гоша, танцор. Знаете, вы дверку приоткройте. Я и посмотрю... какая вы Нина.

– Ага. Вы раз – и сунете туда свое дьявольское копыто...

– А откуда вы знаете про мое копыто?

– А мне Нина рассказывала...

– Нину можно?

– Нины нет дома... Я вам дорогу обратно сейчас объясню.

– Я все равно не найду дорогу... Я приезжий. Я грузин... Гоша, танцор...

– Но вы сюда нашли дорогу?

– А меня таксист довез.

– Ничего, разберетесь... Идите направо – через пустырь...

– Я не могу идти через пустырь. У меня слишком большие ноги. В темноте я буду спотыкаться о свои ноги.

– Надо иметь нормальные ноги, если бродишь по ночам...

– Не обижайте мои ноги! Мне Нину!

Она поднимает трубку:

– Мариша, ты еще не умерла? Слава Богу! Не умирай, пожалуйста... Ужасно настырный! Типичный аферист. Самое глупое – я отвезла собаку. У нее в воскресенье примерка ошей-

ника... Понимаешь, я отвезла ее к маме на дачу, чтобы она перед примеркой успокоилась... У нее была такая нервная неделя. Такие неприятности! Нас исключили из собачьего клуба! Страшно сказать за что! За девственность! Ха-ха-ха. Не хотим воспроизводиться, кусаем партнеров. Я не понимаю, как можно применять такие репрессивные меры! В конце концов, это вмешательство в личную жизнь... А может, она ждет его?! Ха-ха-ха!.. Болит?! Очень болит?! Может, все-таки не до смерти? Давай надеяться!.. Кстати, если это, не дай Бог, случится, завещаю мне, пожалуйста, свой прах. Потрясающая идея: у меня на подоконнике стоят горшки с цветами, и я хочу просить всех моих друзей... ну, которые помрут раньше, – завещать мне свои прахи. Я вас высыплю в мои цветы... И у меня получится целый подоконник друзей в цветах... Я буду о вас заботиться, с вами беседовать, лелеять. Когда я буду уезжать на съемки – вдруг меня снова начнут снимать, – я буду забирать вас с собой в горшках. Представляешь, прихожу я на встречу со зрителями и объявляю: я к вам пришла не одна, со мной в сумке моя подруга Мариша, заслуженная артистка... Ха-ха-ха!

Непрерывный звонок.

– Ну, погоди!

Она подходит к двери:

– Вы, конечно, слышали мой рассказ. Да, у меня сегодня нет собаки, но каратэ и китайская борьба «ли фу» – при мне!

– Мне Нину!

Она официально:

– Нины нет дома.

Голос любезно:

– А вы кто?

– Я – Нина.

– А я Гоша – танцор. Я жду ответа: почему не открываете дверь?

– Вы опытный аферист, сразу видно по вашей наглости. Наверняка подслушивали весь разговор. Надеюсь, вы поняли: прошла пора, когда я открывала дверь, если этого хотели другие. Теперь я открываю дверь, только... только... если этого хочу я! Все!

– А почему вы сейчас не хотите? Мне Нину!

– А потому, что вы мне не нравитесь. У вас слишком большая нога... Нины нет дома...

– Ну и что из этого... Например, у Сирано де Бержерака был слишком большой нос. Но разве найдется женщина, которая не впустила бы Сирано? Теперь представьте, что у Сирано де Бержерака вместо носа – моя нога. А у меня вместо ноги его нос!

– Не запутывайте меня. Я все равно вас не впусти. Это как дважды два.

– Одна моя знакомая долго меня не впускала... Однажды ей позвонили с почтамта и сказали, что на ее имя пришла очень большая посылка. Согласна ли она оплатить доставку? Конечно, она согласилась... Трое рабочих внесли к ней... меня в ящике из-под радиолы «Симфония». Правда, меня чуть не разорвала ее собака... Хорошо, что ваша собака на даче... Видите, даже собака не мешает вам впустить меня. Что вы молчите?! Я замерзаю!!! Я южанин!!! Мне Нину!

– Ха-ха-ха!

– Что вы смеетесь?

– Мне понравилась история про радиолу «Симфония».

– Я расскажу вам тысячу подобных историй.

– Не расскажете!

– Послушайте, а может, вы ждете мужа? Я – негодяй! Я даже не поинтересовался, есть ли у вас муж...

– Только не будем! Вы ведь все подслушали?! Странно не то, что у меня сейчас нет мужа... Странно, что он был. Например, совсем недавно по отпечаткам пальцев выяснилось, что я вообще вырождаюсь... У меня на десяти пальцах всего два кружочка, а остальное – петли! Поэтому, чтобы меня любили, мне нужен муж с острова Пасхи. Но теперь все это неактуально. И как моя собака... я хочу быть одна... Хочу в одиночестве донашивать свои пальцы!

– Следовательно, «муж объелся груш» не помеха... Но еще есть некто... Ах, как она его любила!

– Ах, как она его любила!

– И все-таки... ушли от него?

– Вы плохо подслушали. Я никогда от него не уходила. Тысячу раз мечтала. Но всегда уходил он. Уходил когда хотел. И возвращался когда хотел. Вру... разок... все-таки удалось! Это... уже после Мартироса... когда Сашок встретил её в третий раз... в разгаре её тогдашней губительной красоты. Короче, романтическая реваншистка заставила его поехать с ней на юг... В тот самый город, где был зачат убиенный зародыш. К той самой вечной воде... Собачка у булочной... Правда, когда приехали, он страшно запил. Оказалось, он приехал не с ней – к воде. Он приехал – пить. На море он так и не вышел. Кого только он не приводил тогда в дом: бродячих котов, от которых она покрывалась лишаем... каких-то забулдыг с пляжа... В тот день он отдыхал в саду за столом с очередными друзьями. И не говоря ни слова, она собрала вещи и рванула в Москву. Пять дней она жила в Москве. Точнее, заставляла себя жить. На шестой день, погибая от нежности, от раскаяния... он ведь не знал, где она... прилетела обратно. Была ночь. Уже предчувствуя радость примирения, она подошла к забору. Посредине двора стоял тот же стол. Те же люди сидели с теми же бутылками в тех же позах. Когда она вошла, Саша спросил: «У тебя, случаем, нет сигарет? У нас все кончилось!» Он не заметил!!!

Ха-ха-ха!

– Это вы так рыдаете?

– Да... Ха-ха-ха!

– Я могу порыдать за вас.

– Не сумеете.

– Ну что вы, это моя работа. Разве вы до сих пор не поняли, где может работать человек с такой нестандартной ногой? Я клоун! – Рыдает. – Так достаточно?

– Маловато.

– А так? – Рыдает.

– Не выходит. Вы все-таки мужчина. Послушайте, а вы вкрадчивый аферист.

– Я клоун.

– Знаем таких клоунов! Моя знакомая Вика Полищук встречалась с одним... таким клоуном. И однажды у нее потерялась бриллиантовая подвеска от сережки! Через некоторое время ее ближайшая подруга Кира Иванова тоже сменила серьги. Но в тот момент Вика Полищук стала феминисткой. И у нее проснулась зверская интуиция! Короче, она приперла к стенке Киру Иванову... и выяснилось: мерзавец встречался с ними обеими. И когда они помирились от любви... в разгар страсти... он скусывал бриллиантовые подвески на серьгах. Это была его профессия! Ха-ха-ха!

– Но у вас нет бриллиантовых серег.

Вздыхнула:

– Нет...

– Вот видите! Ни собаки, ни мужа, ни серег – у вас нет ничего, что помешало бы вам открыть дверь! Хотя, конечно, у вас было много разочарований... Но если я начну рассказывать свои разочарования – человека с большой ногой...

– Не надо!

– Почему?

– Я очень устала от этих рассказов. Я почему-то у всех мужчин вызываю страстное желание: немедленно рассказать мне свою неудачную жизнь. Вчера сажусь в такси... Рядом с таксистом – ребенок. И таксист тут же, немедленно начинает рассказывать мне историю своего развода. Он так заполз мне в душу, что я уже хотела брать его ребенка на выходные! Но, слава Богу, крошка не сплеховал. Он посмотрел на меня и говорит: «Отчего тетя такая противень-кая?» Ха-ха-ха!

Долгое молчание.

– Что затихли?

– Это я плачу! На этот раз сила моих рыданий так велика, что они не слышны. После таких рыданий обычно я вынимаю дудочку...

– Какую дудочку?

– Как гаммельнский крысолов, я играю на дудочке – и выманиваю из квартир тоскующие души.

– У вас есть дудочка?

– Но какой же клоун выходит из дома без дудочки?.. Вы идете за мной?

– Куда мы идем?

– Высокое небо... И голос далекой птицы.

– Да... да... Высокое небо... И голос далекой птицы...

– И как в детстве перед сном, когда шепчут, чтобы все исполнилось завтра... Шепчите!

– Боже мой...

Она подошла к двери и открыла ее, и... И в дверь хохоча ворвался он – экс-любимый Саша!

Саша корчится от смеха! Она – тоже!

Он падает в кресло от смеха.

– Ха-ха-ха!

Постепенно они перестают смеяться, и... опять истерический, надрывный хохот.

– Ха-ха-ха! Умираю! – хохочет она.

– Ну ты даешь... Ха-ха-ха... Пустить первого встречного! – хохочет он.

– Ха-ха-ха. Как ты сразу меня уничтожаешь!

– Первого встречного грузина с копытом... пустила! Ха-ха-ха!

– Ничего, ты столько раз впускал первых встречных. Ха-ха-ха! Теперь моя очередь...

– Нет, ну дойти до того, чтобы в час ночи... незнакомого грузина! Урода! Распад! Распад!!

Теперь он расхаживает по комнате и машинально поедает грибы из кастрюли на столе.

– Не надо!!!

Но в упоении скандала он продолжает есть грибы.

– Нет, это конец личности! Потрясающе! Я пришел взять кроссовки. Но меня она не хотела пустить в дом! А первого встречного грузина с дегенеративной ногой!

– Дались тебе его ноги... Я прошу тебя: не ешь!

– Сначала я битый час выслушиваю этот бред по телефону...

– В смысле «подслушиваю»...

– Просто интересно – сколько можно болтать о чепухе? Болтать, хохотать, болтать, хохотать!

– Последняя роль, которую я хотела сыграть в вашем треклятом театре... была старая Актриса. Она все время хохотала... Там была даже такая фраза: «Когда у женщины красивые зубы – она все находит смешным...»

– Короче! Где мой вермут?

– Ну конечно, мне не дали сыграть... И вот теперь я ее играю в своем домашнем театре. Ха-ха-ха!

– Повторяю для глухих: мой вермут – раз. И мои тренировочные брюки – два. И мои кеды – три!

– Вермут – перед тобой! – Подняла с пола бутылку и поставила на стол.

– Ты только погляди, полная! И что ж мы туда долили?

– Почему мы должны туда что-то долить?

– Но я же слышал! – Снова машинально ест грибы.

– Я прошу, говори – подслушивал. – Вспомнила. – Ой, прости...

Бросается к телефонной трубке, торопливо поднимает.

– Мариша, ты еще не умерла?... А я сплеховала, и ко мне ворвался мой экс-любимый. Что он сейчас делает? Стоит у холодильника... и по своей старой привычке... собственно, это привычка всех мужиков, когда они собачатся... машинально пожирает грибы. Какие грибы? Те грибы...

– Какие грибы?! – Он торопливо отодвинул кастрюлю. – Что ты мелешь!

– Перестань на меня орать! Днем орут со всех сторон Сизифы, пенсионеры, пылесосы, коты. Ночью к тебе вламывается чужой мужик и тоже орет. Ребята! У меня голова от вас пухнет, как на картине Сальвадора Дали.

– Какие грибы? Ты что?

– Ну, эти... про которые ты подслушивал... которые Мариша съела.

– Какая Мариша? Какая Мариша?

– Ну, как тебе ее отрекомендовать? Мариша. Не феминистка. Поэтому, естественно, влюблена в очередного мерзавца, который, конечно, не хочет на ней жениться, говорит – потому что она сварливая... А она говорит, что она сварливая потому, что он не хочет на ней жениться! Ха-ха-ха! Мы как раз обсуждали с ней волнующие проблемы любви... когда возникли грибочки... Она у меня поела эти грибочки и... Ну, эту часть разговора ты как раз подслушивал...

– Психичка! Ты кончишь играть на нервах? Какие грибы?!

– Какие-какие? Вот заладил! Если бы я только знала, какие они! Я собираю все грибы подряд!.. Слушай, если что случится, завещаю тебе свой прах, а? Я тебя на подоконник выставлю... Нет, на подоконник тебя нельзя... Там прахи друзей. А ты ведь не был моим другом.

– Истеричка... Ты что?

Лихорадочно откупоривает бутылку вермута, пьет. Изумленно:

– Вермут?

– Именно. Но вино плохое противоядие. Ты уж мне поверь, а... Ха-ха-ха!

Он что-то сообразил, бросается к лежащей телефонной трубке, поднимает ее.

– Алло... Алло... Телефон не действует!

– Естественно. Потому что давно отключен.

Он в изумлении стоит с трубкой в руке.

– Значит, ты... целый час болтала по отключенному телефону?

– Не могу на тебя смотреть... ты так сейчас похож на сайгака! Последнее время мне трудно разговаривать с людьми... Все время вижу животных, от которых они произошли. «Третий глаз» шалит! Ха-ха-ха... Так любила болтать по телефону. Теперь лишилась главной радости – отключили за неуплату. Только ты не бойся, деньги у меня есть. Я знаю, родной, ты всегда меня ценил за то, что я тебе ничего не стоила! Ха-ха-ха! А телефон отключили, забыла платить! Я все забываю... Вчера, например, забыла про телевидение... Жаль. Они, должно быть, ждали! Потеряла роль маляра! Так готовилась к этому маляру...

– Значит, все это было истерическое представление?

– Ну, будем точными: два представления. Твое – неудачное... Ты очень плохо сыграл грузина... И – мое! Обалденное! Что делать, Саша, ты так и остался хреновым актером. Это только в вашем театре верят, что талант, как гриб, растет со временем на пустом месте! Ха-ха-ха!

– Ладно, пошутили... Истеричка, я пришел взять кеды и кроссовки...

– А почему так развязно? И что это значит – «пошутили»? Это ты шутил. А я не шутила. Потому что для меня, Саша, как для древних индусов, жизнь – это «Ли́ла», то есть божественная игра! Я все время играю и тогда только живу. Например, подниму трубочку отключенного телефона и разговариваю, разговариваю с Маришей. Или без телефона – вслух сама с собой болтаю, болтаю. Первый раз, когда я поймала себя на этом – я подумала: все, спятила, Нина! – Зашептала: – А потом поняла: нет, это началась моя «Ли́ла» – божественная игра. Но, конечно, какая игра без зрителей! Вот почему я так обрадовалась... когда ты по двору вышагивал. Думаю, вот он идет – будущий зритель и, может, участник моей «Ли́лы»! А ты, видать, это тоже почувствовал и сразу из-за двери тоже принялся играть – шпарить текстами из своей пьесы... Ха-ха-ха!

– Не понял!

– Понял, все понял! Только уж очень сентиментальные тексты... Клоун, дудочка... Тьфу! Но я была милосердна – я подыграла тебе. Потому что уважаю любую «Ли́лу»! Вот так, Саша!

Он постарался рассмеяться:

– И откуда ты знаешь про пьесу?

– Слежу за вашим треклятым театром! А чем мне еще заниматься? Из театра меня выперли, с телевидения после вчерашнего – тоже... В кино не берут. Вот и дружу с Маришей. Мариша – надомница... Распечатывает дома роли для ваших артистов. И все мне показывает – веселит меня. – Подмигнула: – Мне очень нравится, что ты написал пьесу про нас с тобой. Знаешь, Саша, приятно почувствовать себя литературным персонажем. Я даже сказала себе: «Ну, мать, ты теперь персонаж, как Робинзон Крузо!» Ха-ха-ха! Вот только кто осмелится сыграть меня в вашем дружном коллективе нерастущих грибов? Себя, допустим, сыграешь ты! Ну а меня? Единственную, неповторимую? Оказывается... доносит Мариша... твоя молодуха в развратных лисах... с накладным задом.

– Послушай. Во-первых, у нее совершенно нормальный зад...

– Даже с нормальным задом – меня – не сыграет! Кстати, почему ты приписал в своей пьесе мой поступок себе? Я протестую! Это ведь я рассказала тебе, как меня несли к любимому в коробке от радиолы. Забыл? Ай-ай! Это случилось со мной... ну, когда по твоей милости я оказалась в офсайде. Ха-ха-ха! И придумала влюбляться во всех, кто на тебя похож, чтобы не удушиться... Ну, известное дело – дура! В голове-то балалайка! Пардон, про балалайку сегодня уже было! И вот к очередному любимому меня доставили в коробке от радиолы... и меня чуть не съел его пес боксер. Ха-ха-ха! Кстати, потом к нему же я прискакала верхом на лошади. Я тогда снималась наездницей. Как он испугался! Как вы все боялись размеров моей любви! Ха-ха-ха! Запомни: такие вещи не сможет совершить мужчина. Это удел безумной женщины до того, как она стала феминисткой. Ха-ха-ха! А все-таки подло, что ты разрешил ей – играть меня!

– Послушай! По-моему, ты что-то недопонимаешь! Я пришел взять тренировочные брюки и кроссовки... – Остановился, стараясь небрежно: – И вместо этого слушаю чушь... про какие-то грибы.

– Беспокоишься? По-честному, я – тоже. Понимаешь, важные вещи у меня теперь абсолютно вылетают из памяти. И вот про эти грибы вылетело – вместе с платой за телефон... Ха-ха-ха. Я не помню: купила ли я их на рынке... или действительно собрала в лесу в солнечный день! Все так неясно для меня теперь. К примеру! Вчера мчусь на такси к знакомым, а оказывается, я должна в это время мчаться на телевидение с кистью маляра. Реальность ускользает,

потому что она мне скучна... Точнее, не так – для меня теперь есть одна реальность: «Лиля»! Игра! Ха-ха-ха! Но про грибочки мы с тобой скоро выясним! Придется! Ха-ха-ха!

– Послушай, ты...

Она вдруг нежно и миролюбиво:

– Дорогой, а зачем тебе так понадобились кроссовки?

Он также нежно:

– Я решил снова бегать по утрам, дорогая.

– От кого, любимый? От меня ты уже давно убежал. А от этой с накладной задницей можно скрыться только на кладбище! Знаешь, вначале я злилась, когда читала твою пьесу... Там нет любви. Ты никогда не знал, что это такое. Поэтому ты думаешь, что любовь – это много сентиментальных слов. А любовь – это ненависть, дружок! Когда я любила – ох, как я тебя ненавидела!

– Тебе не кажется, что сейчас все это не очень актуально? Короче! Где мои кроссовки и тренировочные брюки?

– Все на месте. Всё в твоей комнате – тренировочные брюки, кроссовки, твои шмотки, твоё фото, твои бутылки... Мемориал!

Он решительно поднимается.

– В мемориал намылился? Туда нельзя!

– Ещё что выдумала, истеричка?

– Как ты меня! Ну да ладно, ещё сочтемся! Понимаешь, в твоей комнате сейчас спит Мариша!

– Какая Мариша? Какая ещё Мариша?!

– Ирреальная... Нет, пардон, ирреальная Мариша у нас осталась в телефонной трубке. А в твоей комнате спит самая что ни на есть реальная Мариша. Ну, надомница.

– Послушай, не выводи меня из терпения, ладно?

– Эта Мариша ну буквально меня спасла! Она согласилась быть моей партнершей по «Лиле». С тех пор как вы изгнали меня из вашего пяти... клятого театра, я играю на дому... Боже, я ведь забыла тебе представиться: «Нина – артистка домашнего театра!!!»

– Мне отдадут мои кроссовки?

– И тренировочные брюки! Понимаю твою нервность. Все-таки идти в квартиру, а очутиться в домашнем театре. Сюрприз! Да и профессия – артистка домашнего театра, – конечно, очень редкая. Но поверь, бывают и более странные профессии. Например, я слышала, в Италии по ярмаркам бродит человек. Он одет в широкий, как море, черный плащ, на голове великолепная мушкетерская шляпа... И когда кто-то напивается – черный человек распахивает свой безмерный плащ. Под ним оказывается, пардон, горшок... И он укрывает жаждущих своим необъятным плащом. Он называется «мистер Пи-пи». Так вот: по шкале редких профессий «мистер Пи-пи» – на первом месте, а сразу за ним идет «актриса домашнего театра»! Ха-ха-ха!

– Кроссовки! Брюки! И немедленно открыть комнату!

– Очень прошу, не ори как резаный! Разве я не открыла бы тебе твою бывшую комнату? Неужели мне приятно битый час выслушивать твой надоедливый, одинаковый вопль? Но вот беда. Нельзя! Понимаешь, эта Мариша всегда запирается изнутри. При ее красоте и тяге к приключениям... Короче, у нее выработался условный рефлекс: как заходит в чужую комнату – сразу р-раз на ключ изнутри! Но мы будем терпеливы? Мы подождем, пока она проснется? Итак, «в ожидании Мариши»!

– Мы не будем – «в ожидании Мариши». Ты сейчас же... сейчас же! Пойдешь и поступишь. Или крикнешь ей! И пусть она откроет! Если она там, конечно, есть!

– Хорошо говорить – «крикни». А как? Я ведь даже не знаю, как к ней обратиться. Видишь ли, она такая фантазерка. Ну, как я в свое время! Она столько раз придумывала себе имя, что совершенно забыла свое настоящее! Ха-ха-ха! И оттого мы с ней решили: я каж-

дый день должна давать ей новое имя... Вдруг так наткнемся на настоящее! Ха-ха-ха! Например, сегодня я весь день называю ее «Мариша». Но с полуночи ей полагается уже другое имя. И только что я поняла, как ее нужно называть сегодняшней ночью...

– Кроссовки! Брюки! Немедленно! Незамедлительно!

– Кстати, я до сих пор не открыла тебе самый важный секрет: конечно, я не могла допустить, чтобы твоя юная в развратных лисах играла меня... Поэтому мы с Маришей сами решили представить твою пьесу в нашем домашнем театре. Представляешь, ночью я буду играть себя. А она – тебя... И потому, согласись, будет справедливо, если на сегодня я ей дам мужское имя: например, Фортинбрас! Ну, это персонаж из «Гамлета»! Ты, конечно, помнишь: Фортинбрас приходит когда все мертвы.

– Кроссовки! Кроссовки! Ты русский язык понимаешь?

В бешенстве ест грибы – и тут же выплевывает.

– Как – еще? Ты думаешь, тех – мало? Ха-ха-ха!

– Сейчас я пойду и вышибу дверь!

– Нет! Этот номер не пройдет!

Они нелепо борются. Потом оба останавливаются, тяжело дышат.

Он: плюхнулся в кресло.

– Нет, это уже полный распад! Это такая «крэза»! И перестань, пожалуйста, пугать меня этими дурацкими грибами...

Она умиротворенно:

– Хорошо, хорошо! Обещаю впредь молчать о грибочках!

– Послушай, ты! Нет, это все какой-то бред... Знаешь, теперь я уже верю всему, что о тебе рассказывают! Про клумбу... про...

– Наконец-то! И клумбочка в ход пошла.

– Распад! Клумбы! Жуткие грузины! Какая-то первая встречная девка, с которой она черт-те где познакомилась и уложила ее в мою постель! Распад! Распад личности!

Она:

– Ну уложила! Ну и что? Ты сам клал в эту постель столько первых встречных! Ха-ха-ха! А я положила туда Маришу с чисто творческими целями. «Лила» потребовала! Суди сам: чтобы сыграть тебя сегодня, она должна войти в твой образ, подышать твоими флюидами... Сейчас она спит в твоей постели, полной воспоминаний о первых встречных, и задыхается от этих самых флюидов!

Он машинально протянул руку к грибам и тут же судорожно отдернул.

– Ха-ха-ха! Молчу! Что же касается познакомиться «черт-те где»... совсем «не черт-те»... а у твоей машины и при самых интимных обстоятельствах... Значит, иду я, как всегда, мимо вашего театра. Как всегда – потому что, пока я не стала феминисткой... куда бы я ни шла... стоило мне чуть зазеваться – и ноженьки сами несли меня в этот шести... клятый театр! И вдруг у твоей машины вижу пожар! Горят! Горят золотые волосы! Сияют огромные глазища! И все это на двух бесконечных ногах! Отгадай, что делало это чудо красоты у твоей машины? Смотри, ты уже весь внимание... Ха-ха-ха! Даже о грибах забыл. Пардон, о грибах – ни-ни! Молчок! Она готовилась броситься под твой автомобиль! Ха-ха-ха! Нет, не потому, что ты ее соблазнил. Ты еще не успел, это у тебя впереди! А хотела она броситься... потому что не поступила в театральное. Но она считает себя неотразимой – и была абсолютно уверена: когда ты на нее наедешь, ты ее сразу полюбишь! И тогда она точно попадет в театральное! Ха-ха-ха! Но у нее такая возбудимость, как у меня в свое время! Стоит у твоей машины и навзрыд рыдает. Оказывается, она уже представила, как ты на нее наехал, как вы познакомились, как ты в нее влюбился, соблазнил, устроил в театральное, потом бросил... и как она от тебя родила... Она даже успела придумать ему имя... Учти, твоего ребенка зовут Ромео...

– Ты кончишь издеваться, а? Психичка!

В ярости вскакивает с кресла, потом с размаху садится в другое кресло – и тут же в ужасе вскакивает.

– Это еще что такое?

Он держит в руках череп.

– Ха-ха-ха! Как смешно ты сел на череп. Совсем как я в свое время на голову твоего друга!

Он стоит, поигрывая черепом.

– Ты сейчас – как шекспировский могильщик! «Вот глаза... им было мало целого мира... но хватило горсти земли»... ха-ха-ха! Этот череп подарил Марише очередной прохвост, в которого она была влюблена. Представляешь, подарить череп на день рождения... Ну она, конечно, пришла в безумный восторг. Ну как я пришла бы в свое время! Хотя, сказать по-честному, этот череп нам очень пригодился... Главный реквизит в нашем домашнем театре. С ним теперь так удобно играть пьесы про убийство... Оказалось – большинство хороших пьес написано про убийство: «Гамлет», «Макбет», «Три сестры», «Чайка»... Как только великая классическая пьеса – бац! – убийство! О современных западных пьесульках говорить не приходится. Там эти убийства – через раз! Ты спокойненько смотришь пьесу и думаешь: она про маляра. А она, – шепчет, – да... про убийство... Не надо все время глядеть на часы... Мариша, то есть Фортинбрас, скоро проснется. Обычно она делает это в два ночи. В это время она начинает читать, есть мороженое, мыться... как я в свое время. Боже мой, как она будет тебя любить... ну, как я в свое время.

– Устал! В последний раз – мне дадут мои кроссовки?

– И тренировочные брюки... Послушай, ты пьесы сочиняешь – придумай себе другую реплику! Боже, Саша! Что с тобой? Как ты был остроумен, когда пил... Тебя нынче будто промокнули! Ха-ха-ха!.. Значит, о чем я? О современных пьесах про убийство. Вот недавно Марише... то бишь Фортинбрасу... ее очередной подонок... рассказал потрясающую вещь. Оказывается, у них – за бугром есть специальный репертуар для домашних театров. Называются психодрамы. Их можно играть на улице, в подъезде, даже в туалете – в любой реальной обстановке... И представляешь, все эти психодрамы – сплошь про убийство! В этих психодрамах устанавливается только сюжет, все остальное – импровизация. Допустим, ты идешь меня разыгрывать. Ну, как сегодня! И вдруг у входа в мою квартиру видишь труп мужчины. Естественно, ты в ужасе кричишь! Выхожу я. И объясняю, что все это домашний театр. Но ты можешь принять участие в нашем театре и узнать, за что же убили этого мужчину! Для этого ты должен купить один жетон, и тогда ты побеседуешь с женой убитого. За два жетона – с его любовницей, а за три и с его матерью... и так далее. И знаешь, что обычно понимает прохожий после всех бесед? Что труп у двери – это он сам! Ха-ха-ха! Ну, естественно, у нас роль убитых всегда исполняет этот череп. Хотя, конечно, было бы приятнее, реалистичнее иметь настоящий труп... Ха-ха-ха! Но психодрама – это не наш жанр. Понимаешь, мы не очень сильны в импровизации... У нас вся импровизация должна быть на листочках написана. Поэтому я так обрадовалась, когда прочла твою пьесу. Вот, думаю, наконец нашла без всяких там выкрутас нашу, простую пьесу – про убийство.

– Было бы очень любопытно... узнать, где же там убийство? Но сейчас... Сейчас мне нужны...

– Кроссовки и тренировочные брюки! Ха-ха-ха. «Любопытно узнать – где там убийство?» – спросил автор. «Как, разве там нет убийства?» – ответила героиня. Ах, какой это важный спор! Но через каких-то всего несколько минут проснется Фортинбрас, и мы начнем играть твою пьесу. И тогда все решится! Ха-ха-ха! Решит «Лила»! Как я представляю вашу встречу... Она бросается к твоей ручке, как к чему-то священному. А ты подбираешь животик, незаметно приглаживаешь лысинку... Нет, как она мечтала показаться тебе в твоей пьесе... Сколько дней она тебя ждет! И готовится! И каждый день с утра я ей обещала: «Наверное,

сегодня! Сегодня он к нам пожалует!» И так вот всю эту неделю мы тебя... поджидали. – Помолчав: – Все понял?

– Уже давно понял.

– Ага, тот хриплый женский голос, который названивал тебе и рассказывал, как я устраиваю в квартире дебоши... Как я спилась и раздариваю твои вещи... Ха-ха-ха... Но ты в очередной раз меня не узнал... Ха-ха-ха! Потому что я – Актриса! Актриса!

– Скотина!

– А почему тебе можно неудачно разыгрывать меня, а мне – удачно – тебя нельзя? Вот тогда-то я и начала тебя ждать. Поставила жарить грибочки, уложила Фортинбраса спать. Хожу и говорю, как всегда, сама с собой: «Вот так, Саша!»

– Знаешь, вот я наблюдаю за тобой... Скажи, ты – сумасшедшая? Ты пугаешь меня все-рез какими-то «грибочками»...

– О грибочках... ни звука... я обещала... А тебе так хочется о них поговорить! Тревожат? Ну, ради Бога! Ах, Саша! Все для тебя! Хорошо, обсудим мои грибочки всесторонне. Итак, если я что-то и придумала с грибочками – это совсем не значит, Саша, что я сумасшедшая... Даже наоборот. Суди сам: ну случится с тобой от моих грибочков, а я тут, – шепчет, – ни при чем! Да! Я ведь не брала на себя обязательства отличать шампиньон от мухомора. Я ведь актриса, а не грибник!

Он вдруг вскочил, бросился к телефону.

– Отключен за неуплату! Ха-ха-ха!

Он бросается к дверям, но она неожиданно выхватывает револьвер.

Он отпрянул.

– Ты... что?!

– Ха-ха-ха! Это игрушечный!

– Ха-ха-ха!

Оба погибают от смеха.

Она, продолжая хохотать:

– Фортинбрас где-то стащила. Ха-ха-ха! И уверяет, что с этой игрушкой ей ничего не страшно. При ее красоте и любви к приключениям она часто попадает в сложные ситуации. Она говорит, что револьвер ее всегда спасает. Самое смешное – сама в это верит... Она, как и я, вычеркивает из памяти все, что не совпадает с ее фантазиями! Ха-ха-ха! Короче, сам видишь, револьвер, убийство – это всего лишь «Лиля». Игра! А ты – хвать за телефон! И вообще... Отравить-то легко. Но ведь потом возиться с трупом... Возьмем, к примеру ту же Вику Полищук. Ты про нее уже слышал под дверью... Ну, у которой аферист скусывал сережки... в святые миги любви... Так вот, Вика Полищук... когда стала феминисткой – решила ему отомстить.

Отец этой Полищучки – военный. У него, естественно, был револьвер... И еще у него была зажигалка в виде револьвера... Ну вот, Вика Полищук их и подменила... И когда аферист попросил прикурить, она спокойно пристрелила его, как барана... Но убить не проблема, вопрос – куда деть труп? Вика Полищук завернула труп в ковер и решила отвезти в Крым, на дачу, и там закопать... Она привязала ковер сверху, на крышу авто, но по дороге в Харькове захотела пить. И пока она ходила покупать пепси, ковер сперли! Ха-ха-ха! Нет, если бы я тебя прикончила, я поступила бы рациональнее. Я использовала бы тебя как реквизит для очередной пьесы про убийство. Вместо черепа...

– Знаешь, надоела!

– Не ври... Надоела – это когда скука. А ты сейчас – сама активность. Страх – активен. «Было – не было!» А вдруг эта сумасшедшая, как ты меня удачно определил, по правде – грибочками, а? Знаешь, действительно, это очень смешная ситуация. Я тебе сочувствую! Это – как собака покусала: а вдруг бешеная – тогда надо бежать делать уколы! Но, собственно говоря, почему собака должна быть бешеная? Тогда – не надо... Надо – не надо! Один тип из МИДа,

которого покусала моя девственница, звонит мне уже третий месяц со всех частей света – узнать, не сошла ли она с ума...

– Ладно! Подавись ты этими кроссовками!

Он встал, пошел к дверям.

– Саша, не спеши! Был такой фильм: «Скромное очарование буржуазии». Потрясающее название, да? Там на вечеринку собираются несколько доверчивых буржуа. Блистают, очаровывают. А потом хотят по домам разойтись... Ан нельзя – не отпирается входная дверка. Они, понимаешь ли, думали, что пришли на вечеринку, а это был Страшный суд! Ха-ха-ха! Тебе отсюда не уйти... Точнее – не выйти. Пока не придет Фортинбрас. Пока мы не сыграем твою пьесу про убийство.

Он молча подходит к входной двери, пытается открыть. Но дверь заперта. В какой-то неожиданной панике он бьется в дверь.

– Ха-ха-ха! Неужели не заметил, как я ее закрыла? Не прогляди финал!

Швыряет ключ в форточку. И тотчас как по заказу пробили стенные часы.

– Ура! Он настал! Час пробуждения Фортинбраса! Спешу к ней в Мемориал.

Она убегает.

Он:

– Какая все это глупость! Шизофреничка!

Подошел к зеркалу, причесался и как-то важно и элегантно уселся в кресло.

Тишина. И вдруг с безумным криком в огромном рыжем парике вбегает она. Взглянула на него, оценила приготовления. Наставила игрушечный револьвер: – Кто важнее – люди или клопы? Быстро!

Он застигнут врасплох и оттого вынужден поддержать игру:

– Если клопы едят людей, важнее клопы. Если люди – клопов, то люди...

– Ура! Юмор остался! Смешно ответил. Но еще смешнее выглядел. Если бы ты себя видел в ожидании юной Фортинбрасы. Отпад! Юморины!.. Нет, ее будила, поверь. Предприняла все усилия. Стучала в дверь! Никакого эффекта! Сначала я подумала, что она так спит – пушками не разбудишь. Ну как я в свое время. Это теперь я не сплю – всю ночь по квартире хожу, как собственное привидение... Но тут я понимаю: она ведь не может проснуться... Потому что ее зовут Фортинбрас! Ей еще рано! – Шепчет: – Фортинбрас приходит, когда все, – помолчала, – мертвы. Ха-ха-ха!

Он вдруг бросается к окну, нелепо пытается открыть. Окно не открывается.

– Какой странный! Зачем тебе окно?! Прыгать отсюда высоко... Ага! Ты хочешь крикнуть в окно о помощи? Знаешь, я как-то кричала о помощи прямо из этого окна...

– Почему-то... душно...

– Это – кажется... Да, жаль, что я его заколотила. Но выхода не было... Понимаешь, окно вызвало у меня ассоциации с тем криком о помощи... И когда я вернулась из больницы – его забили.

– Послушай, что ты хочешь от меня?

– Кстати, это была такая забавная история с окном... Тебе, как драматургу, создавшему мой образ, необходимо ее знать. Когда по твоей милости я оказалась в «офсайде»... И тогда я попыталась тебе изменить. Он был живописец. Художник Витя. Такой чуткий. Я, когда познакомилась с ним, сразу поняла: Витя-художник – человек моей судьбы! Я очень нервничала, все-таки... измена... Чтобы убить угрызения совести, мы пошли в ресторан. Я тогда еще не любила пить.

– До клумбы еще далеко было.

– Браво! Но он все понял: такой деликатный – Витя-художник! И вот выходим мы из ресторана...

– Платила, конечно, ты?

– Тогда еще платила не я. Это теперь, когда я феминистка, принципиально плачу за мужчин. И если мужчина мне обходится дорого, я его ненавижу, а если дешево – я его презираю! Ха-ха-ха! И вот выходим мы с Витей-художником из ресторана, ловим такси, ехать домой, в наш чертов квартал одинаковых домов, – изменять тебе! Такси с моим везением, естественно, нет... Поэтому плетемся от метро пешком. И у самого дома он говорит: «А где твоя косынка?» Ну – чуткий! Вижу, потеряла! А он говорит: «Ничего, Нина, я отыщу». Деликатный... Ну – художник! А я рада-радешенька: думаю, пока Витя будет искать косынку, я переоденусь и, главное, морально подготовлюсь к измене. И вот я поднимаюсь к себе... и жду, жду... А Вити – нету. Я жду! А Вити – нету!... А он даже моего телефона не знает!

– Ну понятно, на улице познакомились!

– И тут я понимаю, что он – моя судьба – заблудился! Витя-художник, мне предназначенный, – заблудился! Эти одинаковые чертовы дома! А он такой деликатный! Где уж ему меня найти! И тогда я открываю окно и начинаю его звать. Я кричу в ночь: «Витя! Художник! Я здесь! Я – Нина!» Ни черта не пришел! Всю ночь орала! – Кричит: – Витя! Художник! Я здесь! Я – Нина!

– Представляю, как он бежал! Со всех ног!

– Ты тоже так думаешь? Ты думаешь, что во мне есть что-то такое, отчего от меня все бегут? Нет, ты врешь! Он был деликатный! Человек моей судьбы! Витя! Художник. И вообще, никто от меня не бежит... Вон в библиотеке в прошлый вторник ко мне подошел знакомиться морской офицер. Очень интеллигентный. «Давайте встретимся с вами после чтения... Назначайте где». А у меня в библиотеке подруга работает, Котляр Галина – сидит в двести восьмой комнате, в библиографическом кабинете... «Хорошо, – говорю, – давайте у двести восьмой комнаты в шесть часов». Думаю, это место я знаю... здесь я его точно не потеряю. Ну, для женственности опоздала на десять минут! Прихожу... Ужас! Никого! Оказывается, кабинет перевели, и в двести восьмой комнате теперь туалет! И на дверях туалета – приколотый лист бумаги: «А вы, однако, шутница». Ха-ха-ха. – Помолчала. – Значит, что я хочу от тебя? Фортинбрас – спит... Поэтому хочу сыграть с тобой несколько сцен... Всего несколько сцен...

– Каких сцен?!

– Ну, Боже мой, из твоей пьесы... про убийство...

– Опять! Какое убийство? Где ты нашла там убийство?

– Почему ты заладил по два раза противно повторять? Что за манера? Короче, ты должен сыграть их со мной. Это будет справедливо: ты – будешь играть себя. И я – себя...

Он молчит.

– У меня запрятан в потайном местечке второй ключик от двери. Всего каких-нибудь четыре сценки – и ты его получишь. Ха-ха-ха!..

Он молчит.

– Решайся! Понимаешь, я устала от того, что Мариша все время играет мужчин. У нас получается какой-то японский театр Кабуки. Дамы играют кавалеров! А так хочется настоящего партнера... И вот наконец-то! Пришел ты! Как я соскучилась по истинной «Лиле». Я все-таки актриса, а не... грибник... Ну! Ну, сыграешь? Кстати тексток твой я припасла, спасибо Марише!

– Ловко, как фокусник, достает спрятанные в кресле две небольших рукописи. Одну протягивает ему.

Он по-прежнему молчит.

– Ха-ха-ха. Я поняла, на кого ты похож... нет, не на сайгака. Ты похож на олигарха, которого захватили террористы! Ха-ха-ха... Я так волнуюсь играть с тобой – просто ужас... В последнее время у меня мало сценической практики...

– Хорошо!.. – Решительно взял пьесу. – Осуществим дегенеративную затею! Которая... как...

- Как все мои затеи... и так далее!
- Хорошо! Я буду играть с тобой в третьем часу ночи.
- Мы будем играть... в ожидании Фортинбраса.
- Которая никогда не придет...
- А разве это важно? Важно ждать. Это так замечательно, когда есть кого ждать. Кстати, мы узнаем заранее о ее приходе. У нее привычка: как только она просыпается – сразу включает магнитофон. Она не может ни секунды без этих диких звуков. Ну, как я в свое время! Ха-ха-ха...
- Учти! Я соглашаюсь не потому, что я... я...
- Употребил слово «боюсь». Лучше слова все равно не найдешь...
- Он не выдержал, кричит:
- А потому что ты – психопатка! Если я не соглашусь, у тебя возникнет очередной сумасшедший пункт. Как сейчас этот пункт с грибами...
- Ты замолчал, чтобы я высказалась про волнующие грибки. А я молчу.
- Он взбешен, потому что опять попался.
- Ты – сумасшедшая, понимаешь? У тебя – неустойчивая психика!
- Да, да... Только жаль, что все время повторяешься. Даже страх тебя не извиняет.
- Тебя выгнали отовсюду! Твое имя не могут слышать! В кино! На радио! Волосы у людей встают дыбом...
- И на телевидении со вчерашнего дня, не забудь...
- Да!!! И на телевидении! Это я уговорил их взять тебя на роль...
- Маляра...
- Сколько времени на это потратил... Но я уверен – ты нарочно туда не пошла! Потому что ты – садистка!
- Пардон, но мне как-то не приглянулось играть маляра, в то время как она будет играть – меня... Меня – она! А я – маляра!
- Он, уже не слушая, кричит:
- Если хочешь знать... тебя держали в театре из-за меня! Я унижался! Я кланялся, и они тебя терпели! Не из-за твоего великого таланта, на твой талант они плевали!
- Охотно верю, на талант они плевали. Ха-ха-ха!
- Но ты умудрилась упиться на гастролях и упасть на клумбу перед гостиницей. Нет, единственное, что я хочу, – это забыть тебя, понятно?
- Ох, милый, забыть – это такая роскошь...
- Я хочу забыть, что я имел к тебе хоть какое-то отношение. Я хочу забрать кроссовки.
- И тренировочные брюки.
- И забыть, забыть – все, как страшный сон. У меня другая жизнь, другая семья...
- Сокрушенно:
- Да. И не одна...
- И не одна! У меня семьи, жены, тещи, дети! И все просят! И всем нужно! И я снимаюсь, звучу по радио, теперь уже пишу пьесы. И все мало! И все твердят, что я жадный. А я усталый! Вчера у меня поломалась машина... и я ловил такси на Арбатской площади... под огромным своим лицом на кинотеатре «Художественный»... Я бегал под собой потный, маленький... И думал: какое я имею к нему отношение? У него улыбка размером с автомобиль. Зуб больше, чем весь я. И никаких проблем! А я должен бежать, догонять, добывать и, главное, – вовремя за вас всех отвечать! Всё! Снимаю с себя ответственность хотя бы за тебя! После всего этого жуткого представления...
- Давай тебя жалеть! Я всегда хорошо умела жалеть.
- Сплошная паранойя! Играть пьесу в третьем часу ночи. Ей втемяшилось. Послушай, ты взрослая баба! Тебе уже...

– Пожалуйста, не говори, сколько мне лет. Пощади, родной...

– Ты сидишь в этой страшной квартире – одна... И все время что-то выдумываешь. И про грибы... какие-то! Ну хорошо, тебе втемяшилось играть! Ради Бога! Давай! Всю пьесу будешь играть?

– Всю не успеем. Фортинбрас скоро проснется... Давай сразу к развязке – где убийство.

– Я в двадцатый раз повторяю: какое убийство?! Где там убийство?!

Она будто не слышит:

– Значит, четыре последние сценки... Думаю, уложимся. Ха-ха-ха!

– Начинай! Начинай!

– Ха-ха-ха! Смешно... Так волнуюсь играть... Впрочем, это со мной всегда. Я в театре всегда умирала от страха. Сажусь за гримировальным столиком, накладываю от ужаса тонну грима и говорю себе в зеркало: «Нина, ты красивая женщина. А красивая женщина может позволить себе все! Вперед!» Шла и играла! И как играла!

Он. Начинай!

Она ставит на стол вермут, пододвигает кресло.

– Что это ты делаешь?..

– Выставляю на стол твой вермут... И мои грибочки. Чтобы как-то обозначить первую сценку в ресторане. Пить твой вермут не буду, не бойся. Как и ты, уверена, не тронешь больше мои грибочки! Ха-ха-ха! Итак, в тот день он увидел ее во всеоружии ее тогдашней губительной красоты...

– Ты это уже говорила.

– Но как приятно повторять. Это была их третья встреча. Но, как и при первых двух, он сказал ей: «Идем!» И она пошла, побежала... Здесь можно включить пленку с радостным собачьим визгом. Короче, они пришли в ресторан. Заметь, действие идет, а мы обходимся без твоих слов. В ресторане можно обходиться совсем без слов. Потому что он болтал о чепухе, а она все ждала, когда он спросит о судьбе несостоявшегося лже-Мартиросика. Но он так и не спросил о злосчастном плоде. И тогда она почувствовала бешенство. Понимаешь, его беда была в том, что он видел ее всегда в любви. Он не знал, что в детстве ее звали психованной. Потому что, когда на нее накатывало... И еще он не понимал главного: как они рядышком – любовь и ненависть... Короче, всю их болтовню в ресторане выбрось из пьесы. И вместо этого вставь то, что она вспоминала... точнее – никогда не забывала. Как в десять лет она обожала девочку из своего класса. Это была раскрасавица девочка с роскошными волосами. Как она ее любила! Но та совсем не хотела с ней дружить. А она безумно хотела и бешено ревновала ее ко всем ее подругам. И вот как-то зимой девочка играла в снежки... И она подошла и включилась в игру. Она кинула в девочку снежок, та засмеялась и не ответила. Девочка кидала снежки в своих подруг. Она почувствовала ярость. В мгновение она превратила игру в снежки в побоище. Все разбежались – она осталась один на один с обожаемой девочкой. Она яростно кидала в нее снежки, она залепила ей снегом все лицо, а та только смеялась. Она била ее снежками в упор, а та в ответ – хохотала!!! И тогда она стала на колени и, зарывав, поползла к ней по снегу... Она протягивала к ней руки, она молила. А та смеялась ей в лицо... И вот тогда в ресторане она вдруг услышала тот смех, который преследовал ее всю жизнь.

Швырнула миску с грибами на пол.

– Ты что?!

– Забыл? В ресторане вот так же она уронила тарелку с едой... чтобы не надеть ее тебе на голову. А потом мы вышли, и ты ловил такси. Смешно и отчаянно ловил посреди мостовой! Очередной шофер, который, видно, ехал в парк... ты загородил ему дорогу. И он высунулся из окна и плюнул тебе в лицо.

Он судорожно закрывает лицо.

– Ты что?! Я все могу... но плюнуть в лицо!!! И ты стоял посреди мостовой с оплеванным лицом и вдруг сказал добро-добро: «Устал, наверное, парнишка». И когда она увидела твой оплеванный гуманизм... Боже мой, вся её прежняя нежность вернулась... и кости посыпались на мостовую. Так он смог увезти ее. И возобновились их вечные отношения: хозяин и собачка у булочной! И он приходил к ней после очередного загула или после ссоры с женой... короче, приходил когда хотел.

– Спасибо, что все-таки вспомнила: он был женат на другой.

– Он всегда был женат на другой. Сначала он был женат на той и жаловался этой... Потом был женат на этой и жаловался... Жены были его право – постоянно бежать. Кролик, беги! Ха-ха-ха! А она – вечное дополнение к его бракам. Боже, как все у них тогда было легко и весело... Только жаль, что у нее в это время «проклюнулся возраст». Это предательское ощущение, когда уже не можешь весело шастать по случайным квартирам... когда не веселит безбытность... и появляется банальная жажда дома – семьи, детей. Но ему это было не нужно с ней. Вот отчего он очень обрадовался, когда узнал, что после убийства в ее чреве лже-Мартиросика – никогда не начнется в ней другая жизнь. И она не простила ему этой радости. Вот здесь опять нужно включить пленку с тем смехом девочки... Ха-ха-ха... Она опять познала бешенство. И начались их страшные ссоры... В тот день она с ним опять поссорилась – и он был счастлив своим правом от нее убежать. Она безумно ждала его звонка – но он позвонил ей только через два дня. Как она умирала эти два дня... Он сказал по телефону, что ему нужно приехать, забрать очередные кроссовки. Она ответила: «Не приезжай, я сама их тебе привезу». Так надо было ответить, чтобы показать, что она сердится. По правилам их ссор – он должен был все равно настаивать и приехать. Но он охотно согласился встретиться на улице. И самое страшное – она почувствовала почти облегчение в его голосе: «Талак... талак... талак!»

– Надеюсь пролог закончен?

– Да, мы подошли наконец к твоим словам.

Она читает текст его пьесы:

– «Они встретились в полдень».

Он читает:

– «Что с тобой происходит?»

Она читает:

– «А вот этого ты не поймешь!»

Он:

– «Куда уж мне! Я всю жизнь слышу, что я не пойму чего-то невероятно тонкого, таинственно женского. Я слышу это от всех, начиная с жены...»

Она:

– «Кончая женой. В нашей ситуации звучит лучше. Как ты заводишь себя, чтобы быть решительнее. Ну, скажи правду, хоть раз в жизни не бойся. Ты ведь расставаться со мной пришел?!» – Помолчав: – Неужели все это говорила я? Мне сейчас кажется, что я все время спала – и ночью, и днем – с открытыми глазами...

– Ты будешь читать свой текст?

– Зачем? Я тебе посоветую вместо всего этого глупого потока ненужных слов – оставь одну банальную фразу, кажется, из пьесы Бернарда Шоу: «Нет в мире женщины, способной сказать «прощай» меньше, чем в тридцати словах»... И еще совет: всю сцену замени пластическим этюдом: она идет от него, но все ее бедное тело как бы просит, умоляет: «Остановите меня, остановите меня!» Она идет от него мучительно долго, тысячу лет!

– Интересно... И как он должен был ее остановить?

– Бедный! Забыл? Примечание к пьесе: «Как ему нужно было остановить ее». В ее ухе... ничем не примечательном, обычном ухе таился предательский кусочек кожи. Когда он дотрагивался до него губами – земля мчалась прочь из-под ее ног. А если он клал ей руку на позво-

ночник – она тотчас теряла все свои кости. Падали, мерзавцы, на пол, и все тут. Поэтому... когда поняла, что он так и не остановит ее – шла по переходу... и шептала одну фразу. Это тоже из какой-то пьесы: «Остановите Землю, я хочу слезть!»

– Так она его любила...

– Так она его тогда любила.

– Он об этом подумал... когда она валялась на клумбе... после того как...

– Тсс... После чего она валялась, мы выясним уже сейчас! Но учти: она не валялась. Она возлежала на клумбе среди цветов, как Офелия на дне пруда! К сожалению, пришел десятиклятый директор вашего тысячеклятого театра – и все опошил!

– А я уверен: ты не была тогда пьяной... Ты играла в это, чтобы меня мучить!

– Все для него! Так она его тогда безумно любила!

– Он подумал об этом вчера, когда она пустилась в пляс в ресторане с первым встречным грузином.

– А она тоже об этом думала, когда танцевала с грузином. Понимаешь, она все ждала, что грузин положит ей так же руку на позвоночник – и она останется без костей. Но у него не вышло. У них, у всех мерзавцев оказывались не те руки. Даже когда она помогала себе китайским вином... И она забыла, что она феминистка. Как положено просто несчастной бабе, она спустилась в туалет и уставилась на себя в зеркало. Знаешь, первый признак, когда я несчастна, – у меня лицо становится бесформенным... не лицо, а детская задница! Она поняла... что ей уже не стянуть этот зад со своей физиономии, пока...

Замолчала.

– Пока что?

– Пока не освобожусь от тебя! Мне иначе нельзя начать нормально жить... Что мне сделать, чтобы освободиться от тебя?

– А ты попробуй трусцу.

– Молодец! Умеешь ответить. Трусцу мне нельзя! Я боюсь вас, бегуны трусцой. Однажды под утро... мы сейчас вернемся к этому утру... Это был рассветный зимний час, я плелась домой с очередным детским задом на физиономии... И вдруг из сумрака прямо на меня понеслась красная фигура. Пустота, снег, фонари – и на тебя несется кровавый человек! Боже, как я закричала! И он в ужасе заорал тоже! Ха-ха-ха! Ну конечно, это был бегун трусцой в красном тренировочном костюме!

– Скажи, это – до бесконечности?

– Прав! Пора заканчивать. Итак! – Она читает ремарку его пьесы: – «Ресторан, где они случайно встретились после того, как он ее бросил». Вранье! Это была не случайная встреча. Она ходила, ходила в этот чертов ресторан, потому что знала: туда любил ходить он. И он это знал. И всякий раз, когда замечал ее... трусливо уходил, делая вид, что не заметил. А она все ходила! В тот день ей повезло, он пришел в ресторан не один. Он привел с собой обедать известного кинорежиссера... и бабника. Впрочем, можно сказать наоборот – известного бабника и кинорежиссера! Кинорежиссер был урод и через несчастных баб самоутверждался в этой жизни! Ну а дальше все играем, как у тебя в пьесе. Кинорежиссер действительно «положил на нее глаз». Подошел к ней и пригласил ее танцевать... Знаешь, я страшно реагирую на уродов. Однажды я разговаривала с одним уродом – и упала в обморок... Причем человек может быть абсолютно обычный, но мне он кажется уродом. Это у меня просыпается «третий глаз». Такой чертов глаз. Например, человек очень серьезный, а я вдруг вижу его, как в «комнате смеха». Рот до ушей, щеки висят, как галифе! И начинаю хохотать. Ха-ха-ха! Никто никогда не понимает, только моя подруга Мариша спрашивает: «Он проснулся?» Теперь «глаз» часто просыпается. Особенно под утро... Когда я вижу... того, кто лежит рядом... Так что знай: когда твой друг режиссер, победно подпрыгивая по привычке всех маленьких мужчин, подошел к ее столику... ее «третий глаз» тотчас пошалил. И она увидела его космическим

уродом..! Теперь ты представляешь, чего ей стоило пойти с ним танцевать? Но она пошла! Вот так, Саша...

– И это тоже ради меня?

– Ты плохо слушаешь?

– Знаешь, мне кажется...

Она испуганно:

– Болит? – Торопливо: – Не может быть! Не может! Слышишь?.. Она танцевала... подставив свой вечно жаждущий позвоночник. И кинорежиссер возложил на него свою мертвую руку! И танцуя, обнажил свои чудовищные зубы: «фэ-фэ-фэ», и предложил ей с ним уехать. Она погибала от его уродства. И «третий глаз» всюду рисовал «капричиос»! «Мне вызвать такси?» – шептал кинорежиссер. И она согласилась... И смотрела, смотрела на столик – где сидел он... И умирала от любви!

– Мне по правде... больно!

Она выкрикнула:

– Мнительный! Как все мужчины!.. Что у нас дальше? И ты встал и подошел ко мне. Свершилось! Боже! Я замерла, предчувствуя боль и радость объяснения, и счастье примирения... И нежный собачий визг уже стоял в груди. Ха-ха-ха! Ну что же ты сидишь? Мы же играем! «Лиля»!

Он с трудом поднимается.

– Мне правда... больно!

Она визгливо:

– Я сказала – мнительный! Ну иди... Подойди ко мне, как тогда. Близко-близко, чтобы я увидела... то – в глазах. Ты подошел, и мы заговорили... Ты точно записал наш тогдашний разговор, все точно. Читай!

Он читает:

– «Послушай, ты сошла с ума?»

– Ты забыл больно схватить меня за руку.

Он послушно хватает.

Она читает пьесу:

– «Не надо хватать за руку... синяки остаются... у меня кожа ненормальная...»

Он читает:

– «Ты с ним не пойдешь... Он – мой друг».

Она:

– «Не надо иметь таких друзей».

Он:

– «Ты не пойдешь, слышишь!»

Она:

– «Пойду! Пойду!»... – Ты правильно записал слова. Только эти слова не имели никакого значения! Потому что все эти слова она произносила счастливым голосом: она торопила радость примирения... И ему достаточно было... как всегда, дотронуться губами до ее сумасшедшего уха... или возложить персты на сентиментальный позвоночник... Но он... Он спрятав свои лгущие глаза. Он показал, будто верит ее словам. И вот тогда он сделал единственное, чего нельзя было делать, – он ударил ее! Точнее, он сделал единственное, что нужно было сделать, чтобы она ушла с тем, с другим. Почему же он, который знал все о ней... – Шепчет: – Он хотел, чтобы она ушла с другим! Тсс... Но что же ты сидишь? Что там у тебя по тексту... «Он бьет ее». Ну бей! Бей, скотина! Корзинка для мухоморов! – Кричит: – Ну? Что же ты?

Он бьет ее.

– Не так! Бей, как тогда!

– Мне... плохо...

– По вопящему рту! Ну! Ну!

И он бьет ее больно, наотмашь.

– Молодец... Теперь я могу прочесть ремарку: «Она убегает».

Она бежит по комнате и вдруг застывает.

– Ты заметил? Я остановилась в дверях! Как вкопанная! Потому что вдогонку... как выстрел! В спину! Ты ударил последней фразой! Ну! Давай! Ведь ради нее все было! Чтобы ты имел право прокричать вслед эту фразу! Ну! Что же ты?! Кричи! Как тогда!

Он кричит текст пьесы:

– «Все! Теперь действительно все!!!»

Она аплодирует:

– Ах, какая фраза! Знаешь, я ее часто вспоминала... потом... Но до конца поняла ее однажды зимой, когда «третий глаз» пошалил! Дело происходило в парке «Сокольники». Стояли сосны в снегу. И там, среди сосен, я часто встречала милого старичка пенсионера. Он носил еду белкам. А зима была холо-о-одная. И белки ради еды стали совсем ручные. Они его узнавали и поедали орешки прямо из его рук. А потом однажды я увидела, как били милого старичка. Оказалось, он этих белочек... как бы это сказать... едой завлекал... приручал. А потом... когда они становились совсем ручные – бац их – в мешок! И на шапку! Ха-ха-ха! Он был – беличий соблазнитель. И я подумала: когда он их в мешок швырял – он наверняка приговаривал: «Вот теперь действительно все!» Ты не слушаешь?

– Мутит... Больно...

– Знаешь, если эти грибы действительно... Жаль, что я их тоже не съела. В конце концов, может быть, смерть – самое интересное в жизни... Ха-ха-ха... Шучу, не бойся. Просто мне один тип, у которого была клиническая смерть, рассказывал, что все было весело. Он увидел: в ярком-ярком свете на помосте танцевали развеселые люди. А перед этим помостом стояли носилки... и на носилках лежал он сам... Ха-ха-ха!

Он вдруг бросился к дверям, бьется в дверь, кричит:

– Дай ключ! Сейчас же! – Хватает ее за руку, орет:

– Ключ!

Она шепчет:

– Он – там... за окном... Только сумей прокричать в темноту: «Витя! Художник!» Ха-ха-ха! Или, может, ты хочешь меня еще разок ударить?.. Не надо Совсем немного осталось – и получишь ключик! Какие-то две сценки! Делов-то! – Читает ремарку: – «Она и кинорежиссер пришли в квартиру кинорежиссера». Ха-ха-ха! Я так смеялась, когда читала приличную сценку, которую ты написал. Морально написал об аморальном!

– Но ведь ничего не было... там!

– Знаешь, потом... под утро, когда я возвращалась от него... Ну, я тебе уже рассказывала про этот рассвет, когда выбежал на меня кровавый бегун. Вот тогда, после ужасного бегуна, я зашла в свое парадное. И увидела кошку. Это была ночная ободранная кошка, уставшая от мартовских гуляний. Я потом часто встречала ее в парадном. Я даже постепенно начала с ней разговаривать. Вот этой кошке я как-то сказала замечательную фразу: «Когда женщина возвращается утром от мужчины, у нее сознание легкого поражения». Ха-ха-ха!

– Послушай, но ничего не было.

– Кстати, у тебя в пьесе эта фраза звучит интереснее... Мы уже дошли до нее. Итак, я сделала три шага вверх по лестнице мимо кошки, которой предстояло стать моей верной собеседницей, – и увидела тебя... Читай!

Он читает пьесу:

– «Ты не была там?» – Кричит: – Но я в это верил!

– Ха-ха-ха... Ты в это верил?! Я тогда смотрела в твои испуганные глаза. Как же я их любила. Я еще тогда не знала – у кого бывают такие глаза. Я ведь еще не встретила ловца белок в Сокольниках! Ну, читай!

– «Ты не была там?»

– Ты повторял это! Повторял!

– Я верил в это! Верил!!!

– Я много думала потом об этой странной вере. Ты, который знал, что он – фашист. Который видел, как на съемках ему надо было растоптать, уничтожить, чтобы начать снимать! Потому что только ценой чужой боли в нем загоралось вдохновение!.. Он часто снимал тебя. И ты ловко удружил ему... мной! Ты называл его Достоевским. Этого Беса из Достоевского! Слушай, когда ты называл его Достоевским, ты хоть вспоминал: «Ты не была там?»... А я вспоминала. И когда валялась на клумбе, лицом в землю, мне вдруг показалось... что я опять в его комнате! Ползу... и меня догоняют, догоняют... и волочат!.. И заплаканным лицом – в подушку... А потом я хриплю... сквозь его мерзкий рот! И я лежала на клумбе и кричала: «Остановите Землю, я хочу слезть». И поверишь: вдруг головки цветов превратились в кисти... И я поняла – это пришел «Витя-художник»!

Ах, миленький, я так устала от своей великой любви... от этой великой тщеты. Так что можешь без всяких женских воплей преспокойно отправить меня на шапку, проклятый ловец белок!

Раздается странный тонкий звук. И следом будто обрушивается вопль магнитофона.

– Слышишь? Он – проснулся! Фортибрас наконец к нам идет!

– Больно... Я не могу дышать...

– Как жаль... А я хотела сыграть про сумасшедший дом... куда она попала. Знаешь, милый, там было такое же окно... Она так же орала туда по ночам... Но они его забили.

Он хрипит. И тогда она...

Она бросается к окну, разбивает его и кричит, размахивая кровавыми руками:

– Витя! Художник! Я здесь! Я жду! Я – Нина!

Разговорчики о любви (*Наши Декамерон*)

В реанимации:

– А чем ты занимался до смерти, милоч?

– Писал, дедушка, писал.

– Ну и как – отвечали?

Исповедь пасынка века

«О чем может говорить порядочный человек с наибольшим удовольствием? О себе».

Самое страшное, когда ощутил: твердеет! Скорлупа проклятая образуется. Вместо души у меня теперь замечательное каменное яйцо. Нет пылкости. Ни в чем. Впрочем, вру. Страсть появляется, когда надо ненавидеть, завидовать, собачиться. Сам любить не можешь и оттого особенно остро ощущаешь, когда тебя любят. Вот почему старики любят путаться с молоденькими: к костру тянет сукиных детей. Лежит во тьме, уткнувшись в потолок пустыми глазами, ласкает горячее тело холодными пальцами, судорожно вжимается в юную плоть, как в избавление. Ощущает чужую жизнь. И свою смерть. Ведь это тело – будет жить, любить, ворочаться в постелях, когда твоя плоть уже на бойню пойдет, на корм червям и листьям. Ах, это каменное яйцо... И шепот из-под скорлупы... Особенно громкий утречком, в тишине: «Остановите Землю, я хочу слезть!» И число... Можно, к примеру, остановку на завтра назначить... Нет ничего такого определенного, одно гаерство. Но стоит только подумать: «Завтра!!!» – и все! Воздушный столб теряет вес! Никакого суетливого послезавтра! Все упростилось!.. Остается только сейчас... Потрясающее состояние!.. Во время самых больших моих жизненных свершений, обладая желанной женщиной и т. д... никогда не ощущал себя сейчас. Я уже представлял, что будет дальше: что потом ей скажу, что мне ответит, как она уйдет, придется ли ее провожать... Эти мерзавцы римляне говорили: «Прожил семьдесят – жил семь». Видать, имели в виду, сколько сумел жить сейчас. И вот впервые не тороплюсь, не мечусь, ощущаю свое тело, зад, сидящий в кресле, облупленную кожу кресла, дохлую муху в паутине – все, что вижу сейчас. Живу, братцы, честное слово, уходя, впервые живу. Пишите эпитафию: «Прожил столько-то лет, но жил – один день...»

Сейчас – раннее утро... Сажу в кресле. Рядом две картонные коробки из-под чешского пива «Пльзень». В этих коробках уместится двадцать бутылок чешского пива. Вот вместо них туда засунута вся моя жизнь. Все дневники, которые я вел... Все мои бесконечные разводы, мои женщины, моя несчастная дочь, мой отец, мои встречи, расставания – вся единственная, неповторимая жизнь вольготно уместилась в коробках вместо двадцати бутылок чешского пива. И еще много места осталось!

Начинаю игру... Выдергиваю из картонной коробки – клянусь, наобум – листочек дневника. Читаю, со сладостным интересом читаю о себе!

«15 сентября какого-то года.

Утром – все, как всегда. Проснулся чуть свет. Рядом – лицо спящей женщины. Придвинулась. Посапывает. Я рассматриваю ее увядающую кожу. И я уже вижу, ясно вижу, какой она станет старухой!

Утром особенно не хочется жить. Будто ночью хочется. Ночью нельзя ступать босиком по полу. Голые ступни мерзко зудят, содрогается кожа, и рубашка во тьме полыхает электричеством. Потому что копится, копится за день: жить не хочу! Мое вам объявление: жить не хочу. Сейчас, в Древнем Египте, во времена Гильгамеша, в дни всемирного потопа – из всех человеческих глоток почему-то один вопль: «Не хочу жить!» Но вы только попробуйте отнять у меня эту ненавистную жизнь. Ах, как я цепляться за нее буду, горло перегрызу! И все-таки повторяю: «Жить не хочу». Каждому возрасту свои удовольствия. В тридцать пять – особое сладострастие заявлять о сем публично. И особенно хорошо этак на рассвете проснуться в грязном зимнем сумраке, ощущая ломоту будущей старости, лежать без сна, содрогаясь от беспомощного отвращения, и шептать в голос: «Жить не хочу! Не хочу! Не хочу!»

Но жить буду!..»

«Но жить буду!» – ах, как это звучит сейчас... через столько лет! Но продолжаю, продолжаю чтение.

«Струйка слюны в уголке ее рта течет по вялой коже и соединяется с подушкой. Солнце падает на подушку – и страстно вспыхивает в слюне. Моя жена. Милая сотрудница по браку. «Брак – обмен дурными настроениями днем и такими же запахами ночью». Но это если буквально. А можно символически: огромная свалка из бессмысленных вещей, которые доставали всю жизнь: ее платья, мои пиджаки, ее свитера, мои свитера – они должны были украшать наши тела. Молодые потные тела, затем холеные омытые тела, а теперь уже начинающие разрушаться тела с едким запахом возраста, смешанным с дезодорантом. Ворох джинсов: джинсы разных фасонов, джинсы из всех материалов, джинсы, когда она была молодой, и джинсы теперь, когда она с трудом вталкивает в них свою измятую задницу. В этой куче прожитых туалетов возлежит она и, призывно дрыгая ляжками, клянет меня за неудавшуюся жизнь. Клянет – третьему... Третий? Да, да, в эту нашу кучу тряпья порой заползал некто третий («Я должна была почувствовать себя женщиной»; «Я должна была ему (мне) отомстить»; «Я должна была доказать ему (мне), себе, тебе...»). И все это в перерывах между содроганиями... О Боже!

Любовь? Визг из кучи тряпья и задранные кверху ноги. Да еще стоны: «О, милый, не спеши...» Последнее время она не любит употреблять имена – и чтобы не ошибиться: «Не спеши, любимый, не спеши!»

Но все это уже было где-то написано. И много раз. Бравое трио: Гильгамеш – Екклесиаст – Шопенгауэр... и все эти моралисты, адвентисты, протестанты, католики, иезуиты, православные, сионисты, хасидисты... – все это повторяли тысячи и тысячи лет подряд. Все эти мудрые размышления о душе, о плоти, о смерти, о бессмертии, о власти, о свободе, о долге, о равенстве... А двуногая тварь все слышит, все понимает, но... так же крадет, убивает, насилует, обманывает! И тоскует. Все время тоскует при этом. Стенает... конечно, если только не удовлетворяет похоть. Нет, двуногое отлично знает, как надо жить, оно создало тысячи книг, как надо жить. Но никогда так жить не будет. И оттого тосковать будет сладострастно, мучительно, со злобным восторгом, ощущая в себе битву Бога с дьяволом. Но уберите сатану. Как возопит человек! И тогда жить совсем не захочет. Впрочем, и это было сказано. Все было сказано. Миллион раз все было сказано.

И вот тогда – в разгар поучительных моих размышлений – она вдруг сказала, не открывая глаз:

– Нам нужно поговорить.

И уселась на постели, обхватив колени руками.

Потом повернулась ко мне и, глядя на меня своими ясными, идиотски непреклонными глазами, сообщила о замечательном событии, произошедшем с ней на юге.

– Я не собираюсь от тебя ничего скрывать. Кстати, ты виноват сам.

Да, действительно виноват: не поехал с ней на юг. С детства ненавижу юг, там надо все время жрать фрукты, от чего тебя так пучит – вот-вот взлетишь под потолок, как Карлсон. Кроме того, юг не может состояться хоть без какого-то романчика. Поэтому по ночам изволь обнимать в кустах какую-нибудь потную проходимку. Она будет страстно целовать тебя намазанными губами, так что утром щеку лучше оттирать бензином, а прокушенная губа будет висеть, как стяг в безветрие.

Но она не захотела оценить моего трусливого юмора. Она сказала:

– Как же мне все это надоело!.. Боже ты мой!»

«20 сентября.

Сегодня меня грузили... Погрузкой руководил он, тот удивительный он, с которым она испытала на юге духовное и сексуальное единение. Все, что напоминало о нашей совместной жизни: стулья, на которых мы восседали, ложе, где мы создавали нашу дочь, – все эвакуировалось из квартиры. Погрузкой руководил муж (то есть муж-то был еще я, а он был как бы муж грядущий). Этому мужу из будущего помогал его младший брат – молодой мерзавец из появившихся теперь повсюду книгоманов. Этот книжный сластолюбец так вожделел к каждой моей книге, что становилось просто неприлично.

Наше голубое ложе они выволокли на лестничную клетку, и оно бесстыдно стояло с обнаженным лазоревым матрасом. Я бегал бестолково из комнаты в комнату, почему-то страстно раскрывая двери. В квартире уже возник сильный сквозняк. Мы жили высоко. Открывание последней, балконной, двери удачно завершило дело – поднялся апокалипсический ветер. Ветер с воем носился по пустым комнатам, а за ветром в безумном беге возникал я.

– Заказанная тобой машина, конечно, не пришла! Он пошел искать другую машину! – сказала она, глядя на меня ненавидящими глазами. (Это всегда: когда меня бросают женщины, они же меня и ненавидят, а когда я их – как же они меня любят!) И скоро найдет! Готовься! – сказала она.

Я не знал, как готовиться, и поэтому продолжал бегать под зловещим ветром. Вбежал он:

– Достал грузовик. У шофера кончается обед, он просит спешить. Грузимся!

Я посмотрел вниз и увидел этот грузовик. Он достал его, конечно, у цирка. Через два дома от нас был цирк. И в тихие ночи казалось, что мы занимаемся любовью в прериях: рычали тигры, трубили слоны. Бедных животных доставляли в цирк на грузовике в клетках, торчавших из кузова. И теперь этот чудовищный грузовик, на котором возили наших братьев меньших забавлять нас, удачно развившихся приматов, ждал внизу. В клетке лежало желтое сено. Я наблюдал сверху, как вынесли лазоревое ложе и установили внутрь клетки. Теперь это уже была картина Сальвадора Дали: «Голубая кровать среди скошенного луга».

– Быстрее, быстрее! – вопил муж из будущего.

– Он даже не собрал своих бумаг, – мерзковато подвывала моя экс-жена.

Она знала, что мой дневник, писанный по давней, еще школьной, привычке на листках бумаги, лежит на антресолях. И она повелительно указала наверх. И тогда юный книгоман-сластолюбец в жажде дальнейших встреч с книжными раритетами торопливо распахнул верхние дверцы. Этого делать не следовало: на голову ему хлынул поток листов. Вся моя многолетняя жизнь вмиг обрушилась, заплясала по комнатам. Гонимые межпланетным ветром с балкона, листы шныряли по всей квартире, взмывали к потолку, бились о люстру, осыпали пол, покрыли раковину и газовую плиту. Путались числа, поступки, годы, разные женщины соединялись друг с другом. То, что я писал о ненависти, продолжалось любовью, и я, восемнадцатилетний, и мои девочки, и мои тридцатилетние женщины – все вместе! Ветер, ветер! Боже милостивый! Светопреставление! Вспомнил! Как во Флоренции было наводнение. А там в каком-то соборе похоронены Донателло, Уго Фосколо, кажется, Данте, а может быть, Микеланджело – короче, масса знаменитых покойников. Так вот, это наводнение устроило с ними веселенькую шутку:

все гениальные прахи друженько всплыли вместе с гробами. И когда вода ушла, их кости возлежали вперемешку на полу. Так что пришлось весьма волюнтаристски разложить их по гробам. И теперь, возможно, челюсть Уго Фосколо покоится вместе с фалангой пальцев Донателло и тазовой костью Микеланджело. А все вместе это называется Данте. И правильно. Чтоб не забывали. Все прах! Старайся – не старайся, достиг, – не достиг – конец этого бесстыдства один...

Именно так, именно в этом духе и поступили с моими дневниками сексуально-духовная мечта моей жены и его брат – маньяк-книгоман. Они принесли с улицы две коробки из-под пива «Пльзень» (валялись во дворе у гастронома) и затолкали в них всю мою жизнь. Они упирались в мою жизнь коленками, мяти ее руками, а в довершение (чтобы все уместилось в ложе для двадцати пивных бутылок) уселись на нее своими задницами – «чтобы все вошло!».

Наконец все погрузили в грузовик с клеткой. И добавили меня. И мы поехали прочь от моего дома: моя кровать, вся моя жизнь в коробках из-под пива и я сам, поразительно напоминавший в этот момент Емельяна Пугачева, какового возили в подобной клетке по улицам Москвы. Моя жена почему-то решила прощально помахать мне с балкона. И я тоже усердно махал ей из клетки, после чего окончательно стал похож на злосчастного Емельяна, прощающегося перед казнью с москвичами...»

Но все-таки самое ужасное – ощущение, что все это происходило буквально вчера! Десятилетий как не бывало!

Продолжаю сладостную игру... Выдергиваю новые листики Дневника из коробок.

«Февраль 5-ое.

Разговаривал с Х. Встретил Н. Переспал с О.».

А вот – март: тоже разговаривал... тоже встретил... тоже любил... Ба!

Только оказывается – это было двадцать лет назад! И клянусь, опять ощущение: буквально вчера! Все вчера! Год начался... Год прошел... Суббота... Уже январь... Нет... уже декабрь... Еще один год! Жизнь только начинается, и вот уже «земную жизнь пройдя до половины»... Но оказывается, она опять только начинается! Тридцать пять... Сорок... Пятьдесят! И вот уже – «жил-был я»? Нет, оказывается, жизнь опять только начинается! Забавное устройство: мясорубка из дней. Ощущение времени создают только покойники. Почему-то упоминание о смертях тотчас наводит порядок в этом безумии дат.

«22 февраля.

Смерть Д.

Звонит телефон. Звонит распроклятый. Три дня после ее ухода у меня был выдернут шнур – переживал... И все-таки сегодня включил, не выдержал. Старая вера: а вдруг случится... хоть что-нибудь!

Беру трубку. В ответ – мужской голос. Это режиссер. Друг юности. Я зову его Лысый и Отвратительный. У него ядреный череп, мерзейшее лицо. И все это – на коротком мускулистом теле. Гомункулос.

– Привет! – говорю я и почему-то спрашиваю эпически: – Ну, что делаешь?

– Не знаю, – радостно отвечает он, – может быть, мальчика, а может быть, девочку...

Я звоню тебе третий день подряд. (Я молчу.) Ты пойдешь... сегодня?

– Куда?

Молчит в трубке, потом говорит с изумлением:

– На... похороны.

Я холодею. Кто умер?

Он выдерживает паузу, чтоб было поэффектней. И сообщает:

- Ты что, действительно... не знаешь? Д. повесился в Доме творчества в Голицыне.
- Боже, – говорю я, сразу охрипнув.

Именно так надо говорить в этих случаях. И тут в душе возникает какое-то детское ликование, ну, как в школе: кого-то вызвали к доске, не меня!

- В три панихида в Доме литераторов.
- Я приду. (Я по-прежнему хриплю.) Конечно, приду. – И не забываю прибавить: – Ужас!

Иду мыться. Д. – покойник!.. Д. уже поставили последнюю цифирку после загадочной черточки. С Д. – все ясно: рассчитались. Он уже не участник в общем нашем вопле. Отвопился. Я знаю Д. – впрочем, теперь следует употреблять «знал»! – знал с детства...

Детство... Я бегу... бегу по коридору – какой огромный был этот коридор, в котором мы играли в жмурки, коридор гигантской коммуналки с тазами и велосипедами, вздернутыми под потолок. И Д. бежит навстречу мне. Д. – с завязанными глазами, но он подсматривает из-под повязки, чтобы вовремя схватить в протянутые руки ту прелестную девочку с бантом, которая так безумно нравится мне и которая потом будет спать с ним!

Поставили цифирку!.. А вот незадолго до проставления цифирки... Еду я на машине. Вижу Д.: он идет по улице. В огромных нищих дерматиновых туристских ботинках. Вокруг горла обмотана какая-то тряпка. В вытертом кожаном пальто зобом торчит его живот. Д. – с... животом! Спортсмен, легконогий Ахиллес, омархайямный ловелас, друг Вакха и Венеры – и с животом! Как он умел влюбляться! Он был всегда влюблен: в женщин, в погоду, в дождь, в дерево. «Если бы мне нечего было любить, я любил бы ручку от двери». И вот он бредет, выставив зоб-живот, в своих чудовищных хипповых ботинках. Какой там, к черту, хиппи! Это идет подлинная грязь и одиночество. Это идет российский писатель в несчастье...

Но если бы вы знали, что такое это несчастье: когда за окном ветер метет белую гадость и надо просыпаться, а горло болит, и рот загажен после попойки, и кто-то давит тебе коленом в грудь. Теперь я тоже знаю...

Я выхожу из ванной. Значит, Д. удавился в Доме творчества... Нашел где! Как он взбирался на стол в этих своих туристских ботинках... отодвинул лампу... и... И его ноги висят над письменным столом. Негнущийся дерматин, развязавшийся шнурок, ком земли отваливается от ботинка, грязь с ботинка падает на «последние строки».

Делаю зарядку... Все-таки пошло – вешаться в Доме творчества, пугая и без того перепуганных писателей. Пошло висеть над собственной рукописью. Со всей прямоотой заявляю: мне не нравится! А почему не сказать об этом прямо? Да, Д. – покойник! И что с того? Кажется, так сказал великий русский писатель: «Что это за профессия такая – покойник, что о них надо говорить только хорошо?»

Нет, я отлично понимаю: уйти из жизни не так-то просто. Револьвер у нас в лавочке не купишь. Поэтому, конечно, приходится, так сказать, изыскивать варианты. Я вхожу в его положение, но... Но, озирая разнообразные самоубийства последнего десятилетия, обязан отметить: в это дело у нас уже внесено должное разнообразие. К примеру, прозаик Л. решил всех нас покинуть. Проходя по Каменному мосту, перегнулся через перила и птицей – нырь в Москву-реку! А вот прозаик З. как хорошо собой распорядился! Вышел на балкон кооперативного дома и, продолжая поболтунчики с супругой о суетном, начал клониться за решетку балкона. Бац – и... полетел вниз, а точнее, вверх, «в звезды врезываясь».

А драматург Б.? Тоже привнес свой шарм в эти полеты в вечность. Надо сказать, он был средний драматург, безвестный. Уж никак не сравнить с нашим блестящим Д. Но как умно обошелся с финалом пьесы! Сначала прелестно отужинал в ресторане аэровокзала. Потом вышел в зал ожидания с бутылкой дорогого портвейна. В портвейне растворил кучу таблеток снотвор-

ного. И комфортно, усевшись в кишасе людми зале, попивая портвейн, медленно подыхал среди топотни, плевков в близстоящую урну и храпа пассажиров. И, отлетая от нас, как он, должно быть, хохотал, слушая все эти объявления о вылетах самолетов. Каким дрянным каламбуром звучали для него слова о задержках рейсов... Он-то знал: его рейс прибдет вовремя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.